Медовый траур

Автор:
Франк Тилье

Медовый траур

Франк Тилье

Комиссар Франк Шарко

Впервые на русском новая книга Франка Тилье «Медовый траур».

После гибели жены и дочери комиссар Шарко сломлен. Бессонница, раскаяние, скорбь… Работать в таких обстоятельствах практически невозможно. Но новые события заставляют его резко вернуться к реальности: в церкви найдено тело женщины. Над ним летают бабочки. Труп выглядит странно: нигде ни единого волоска, все сбрито, а внутренние органы словно взорваны. Похоже, убийца – любитель головоломок, готовый причинять жертве муки, рассчитывая их с ювелирной точностью. И он явно не собирается останавливаться на достигнутом. Для Шарко это расследование носит особенный, личный характер: оно ведет в глубины человеческой души – души убийцы… и его собственной.

Франк Тилье

Медовый траур

© А. Василькова, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Моей сестре Дельфине

Глава первая

Год… После несчастного случая прошел год.

Я на минуту отвлекся. На секунду. И даже меньше того. На долю секунды. Обочина шоссе. Лопнувшая шина. Я наклоняюсь, достаю закатившийся под машину болт. Распрямляюсь. Слишком поздно. Моя жена бежит по дороге, тащит за собой дочку. Откуда-то появляется машина, она мчится очень быстро. Синяя. Как сейчас вижу этот слишком яркий синий цвет. С воплем бросаюсь вперед. Шины взвизгнули на мокром асфальте. И больше ничего…

В один прекрасный день снова начинаешь жить.

А назавтра все рушится.

Прямо напротив меня вдоль городских укреплений Сен-Мало неспешно прогуливается субъект с непокрытой головой, ветерок треплет его волосы, пылающий закат румянит щеки.

Это он, я узнал его, у меня ни тени сомнения. Франция недостаточно велика – надо же мне было в последний день отпуска на него напороться. На того, кто

отнял у них жизнь.

Тот самый водила.

Увидел его – и во мне что-то оборвалось. Нестерпимая боль…

А ведь я думал – ей, моей Сюзанне, стало лучше после того, как ее шесть лет глушили лекарствами. Она перестала кричать по ночам, – казалось, все, что ей пришлось пережить во время похищения[1 - См.: «Адский поезд для Красного Ангела». – Примеч. авт.], понемногу отступает, казалось, она снова научилась улыбаться, заново освоилась с простейшими повседневными делами. Она уже сама умывалась, одевалась, понемногу занималась нашей дочкой Элоизой… Конечно, прежней, такой же решительной и отважной, как была, она уже не стала; иногда Сюзанна отдалялась, уходила, утрачивала всякую связь с реальностью – и тогда во всем зависела от других. Она постоянно балансировала на грани безумия, но я замечал по ее глазам, что она возвращается, что жажда жизни в ней сильнее желания уйти. Сюзанна… Почему ты бросилась бежать через дорогу вместе с нашей девочкой? Что за бес в тебя вселился тем несчастным осенним утром?

Я сотни и сотни раз прокручивал в голове эти вопросы. Книга, которой никогда не закрыть… Этот человек, Шартре – его зовут Патрик Шартре, – прислоняется к старым камням и вытаскивает мобильник. Потом вдруг оглядывается. Я отворачиваюсь и притворяюсь, будто внезапно залюбовался пейзажем. Море спокойное, корабли мирно дремлют. Не знаю, как быть. Ненависть нарастает, обжигает горло, я чувствую, что могу что-нибудь натворить. Кулаки у меня сами собой сжимаются, а Шартре тем временем заваливается в модный бар. Когда он скрывается с глаз, мне становится легче. Я мог бы уйти своей дорогой, забыть о нем. Тогда почему же я решил его дождаться, стою и смолю одну за другой? Недобрый знак…

На лбу выступил пот, ладони взмокли, я нервно тереблю бумажник, то раскрывая его, то закрывая. Там снова лежит карточка с трехцветной полосой, служебное удостоверение полицейского. Я вернулся в профессию после долгих лет, проведенных вдалеке от «земли» и ловли преступников. Покинул север с его низко нависшим небом и слишком мучительными воспоминаниями и вернулся к Большому Спруту с его забитыми улицами, в сумасшедший дом под номером 36, к прежней жизни. Леклерк, мой начальник, за последние полгода не раз подвергал меня испытаниям, и я выдержал все. Мартен считает, что имеет дело

с тем комиссаром, которого знал когда-то, все таким же яростным в бою. Пожалуй, он прав. Никогда еще эта ярость не была такой безудержной…

Наконец этот богатый торгаш, такой элегантный в своем дорогом костюме, выходит из бара. Останавливается, втягивает носом насыщенный йодом воздух, поправляет воротничок фирменной рубашки, потом двигается дальше. На меня обрушиваются нестерпимые воспоминания. Его победный вид во время процесса. Его фальшивое сочувствие. Эти крокодиловы слезы. Превышение скорости на тридцать километров, две украденные жизни – и такое легкое наказание! Тогда меня удержали, не дали убить его своими руками. Теперь удерживать некому. Я прибавляю шаг, приближаюсь к нему…

Несомненно, самой большой его ошибкой было свернуть в безлюдную улицу. Его тело смято натиском моего гнева, а у меня в голове не смолкают крики моих любимых… Еще и еще… Я поднимаюсь, меня колотит дрожь, глаза налиты кровью и залиты по?том, но в темноте этого не видно…

Что я наделал?

Срываюсь с места и бегу к своей машине. Включаю зажигание. Поворачиваю ручку громкости радио до отказа. Выезжаю на шоссе… Как странно, я не испытываю облегчения… ни малейшего… Руки на руле сильно дрожат.

Под усыпанным звездами небом еду от океанской прохлады к раскаленному горнилу столицы. Тиски жары не разжимаются и по ночам, ветерок не удостаивает нас даже слабым дуновением. Я молча страдаю, я – сплошной ожог… Жестянка на колесах, служащая мне средством передвижения, ворчит, но везет куда надо…

Аи-ле-Роз… Мой дом с его горьким, едким одиночеством…

Там, на третьем этаже, плывут мерзкие ленты марихуаны. Мой сосед по площадке, растаман-одиночка, нашел короткий и рискованный путь к утраченному гвианскому изобилию. Мы с его бабушкой были большими друзьями, но и она, толстуха в необъятных ярких нарядах, тоже погибла при ужасных обстоятельствах.

Красный ангел бесповоротно разрушил мою жизнь, истребив тех, кого я любил.

Сегодня в голове у меня засело одно-единственное слово. Преследование. Раз уж я оказался в шкуре полицейского, воспользуюсь этим, чтобы преследовать их всех, гнаться по пятам, травить одного за другим. Прихлопнуть такого, будто комара, услышать, как треснет под моей подошвой его черепушка.

Железная дорога развернулась на полу моей спальни, дотянувшись до самого порога столовой. Миниатюрные паровозы и электровозы только и ждут осторожного прикосновения, чтобы покатить вагоны по рельсам. Перед тем как лечь, запускаю два поезда. Несмотря на оросившие мою жизнь багровые реки, остается один страх, которого я преодолеть не могу: я боюсь тишины… Снотворное начинает действовать, и я под скрежет шатунов медленно погружаюсь в сон. Передо мной в последний раз мелькает лицо Шартре с кровавым пузырем на губах…

Поздним утром меня вытаскивает из постели телефонный звонок. Из отпуска я, вообще-то, выхожу только завтра, но оставленное на автоответчике сообщение меняет расклад. Шеф просит пойти в какую-то церковь: священник обнаружил там, на скамеечке в исповедальне, мертвую женщину – голую, голова и лобок выбриты начисто. Я загораюсь, и огонь этот опасен.

Выключаю раскаленный блок питания, к которому подсоединена моя железнодорожная сеть, измученные ночной гонкой локомотивы через силу проползают последние метры – и в это самое мгновение человек… все человеческое во мне впадает в спячку. А пробуждается – полицейский.

Преследование.

Я снова травлю зверя…

Глава вторая

После несчастья с моими любимыми я ни разу не входил в храм, и стоило мне из полуденного пекла нырнуть в церковь Исси-ле-Мулино, как рана внутри, уже было затянувшаяся, снова открылась. Я, как наяву, увидел перед собой, в

середине прохода между слишком жесткими скамьями с непреклонными спинками, два гроба – один такой маленький, что по церкви прокатилась волна приглушенных рыданий… Здесь даже каменные стены были пропитаны моим горем.

Кто-то на бегу поздоровался. Мой начальник, окружной полицейский комиссар Мартен Леклерк, спеша к выходу с орущим мобильником в руке, покосился на мои коротко остриженные волосы и прибавил:

– Дальше разбирайся сам! Прокурор Келли дает зеленый свет, можно забирать тело и делать вскрытие! Чуть позже поговорим, определимся.

Я кивнул и направился туда, где толпились люди и откуда доносились громкие голоса и щелчки фотоаппаратов. Прямо передо мной плакал, который век терпя муки, распятый Иисус. На пороге исповедальни, что расположена слева, виднелись армейские ботинки судмедэксперта.

Ко мне двинулся лейтенант Сиберски, вид у него, как всегда в неудачные дни, был серьезный.

– Привет, комиссар, – без улыбки проговорил он. – Первый день после отпуска мог бы начаться и повеселее…

Голос его звучал не слишком уверенно.

– Выкладывай!

– Значит, так. Дверь слева за алтарем была взломана гвоздодером, по словам священника – уже второй раз за последние три месяца, в первый обошлось без последствий. Отпечатков пальцев везде видимо-невидимо. Расследование вблизи места преступления начато, инспекторы сейчас опрашивают жителей соседних домов.

– Расскажи, что известно о жертве.

– Белая женщина лет пятидесяти. Никаких видимых повреждений или следов насилия. Щиколотки и сейчас еще связаны, но руки были свободны, и веревка

валялась на полу, глаза залеплены клейкой лентой. Священник нашел тело сегодня в восемь тридцать пять утра в исповедальне, в отделении для кающихся. Жертва стояла на коленях, обритая голова покрыта… бабочками.

Я наморщил лоб:

– Бабочками? Мертвыми?

– Живыми. Семь крупных бабочек с длинными усиками, на туловище такой рисунок… в виде черепа. Когда их попытались накрыть сачком, они… запищали. Совершенно кошмарный звук.

– Где они сейчас?

– Отправили в лабораторию. Под ультрафиолетовой лампой на голове жертвы проявились не различимые простым глазом белесые пятна, возможно и объясняющие присутствие этих тварей. За подробностями к энтомологу…

– Так-так-так… Голое тело, щиколотки связаны, руки свободны. На голове насекомые. И все это в церкви. Ничего не скажешь, случай классический!

– Да уж, самый что ни на есть классический… Ладно, слушайте дальше про исповедальню: центральная часть, та, где сидит кюре, была открыта, хотя вчера ее в таком виде не оставляли. Обнаружив тело, священник немедленно обратился в полицию Исси, они прибыли через пятнадцать минут, а следом за ними наши сотрудники.

Судмедэксперт выбрался из кабинки для исповеди. Ван де Вельд выглядел настоящим военным, только ко всему еще и умным. Костюм цвета хаки, с математической точностью выверенная щетина и красивое, лишенное всякого выражения, словно высеченное из камня, лицо.

– Ну что, комиссар, хотите взглянуть и послушать?

Мы обменялись рукопожатием, и он подвел меня к исповедальне. Я увидел труп со спины – тяжелая груда безжизненной плоти. Лысая голова и предплечья упирались в скамеечку для молитвы, указательный палец сжатой в кулак правой

руки торчал в сторону. Гладкая кожа черепа блестела в свете переносной галогеновой лампы.

Ван де Вельд протиснулся обратно в кабинку:

– Тело можно забирать. Без вскрытия причину смерти установить невозможно. Ни кровоподтеков, ни ран. Никаких выделений из носа или рта, позволяющих предположить смерть от асфиксии. Лицо не синюшное, точечные кровоизлияния отсутствуют, так что на первый взгляд ее не задушили.

Стоя сзади, я с непонятным стороннему наблюдателю увлечением изучал эту человеческую плоть. Миниатюрные поезда и душевные болячки были забыты. Бесчувственная машина Шарко набирала ход, я готов был вкалывать без отдыха.

– Половые сношения?

– Опять-таки на первый взгляд – не было. Зато было другое: убитая потеряла огромное количество жидкости. Эти разводы на полу и на скамеечке – следы обильного потоотделения.

– Если не ошибаюсь, после смерти люди не потеют?

– Не ошибаетесь. Поскольку тело не перемещали, можно утверждать, что женщину привели сюда живой. Она умерла в этой исповедальне, но я не могу понять от чего, и это меня бесит!

– Вы позволите?

Он уступил мне место в тесном закутке. Бровей убитой тоже не оставили, как и волос под мышками и на лобке.

– Клейкую ленту с глаз убрали криминалисты?

– Да. Веки были заклеены изолентой. Увидите на фотографиях.

Я старался проследить взглядом, куда указывает мертвый палец, а Ван де Вельд тем временем продолжал:

– Зубы здоровые, ухоженные, тело чистое, ногти длинные, в том числе и на ногах. Четыре ногтя на правой руке сломаны или сорваны. Это может свидетельствовать о насильственном… и продолжительном заточении…

Я наклонился над скамеечкой для молитвы, принюхался.

– Да, – труполог меня опередил, – чувствуется запах духов или крема, нанесенного на всю поверхность кожи, даже на голове. Во рту и в уголках губ я обнаружил следы темного сладкого вещества, – возможно, меда. Должно быть, это и удерживало бабочек. Анализы крови и содержимого желудка подтвердят…

Беспощадный свет галогеновой лампы резал глаза. Чем больше сведений я получал, тем большее испытывал смятение.

От чего умерла эта женщина?

– Время смерти удалось определить?

– Судя по трупному окоченению и ректальной температуре, я бы сказал – глубокой ночью, между двумя и четырьмя часами… Вскрытие покажет точнее…

Ван де Вельд стянул резиновые перчатки, закрыл тяжелый, набитый режущими инструментами чемоданчик и только после этого выхлебал разом полбутылки воды.

Я повернулся к светловолосому лейтенанту:

– Щиколотки оставили связанными, зато руки намеренно освободили, и правая указывает пальцем на эту часть исповедальни. Криминалисты ничего там не заметили, снимая отпечатки?

– Насколько я знаю, нет. Не нашли ни отпечатков, ни каких-либо меток.

Я распорядился увезти тело в Институт судебно-медицинской экспертизы. Как только носильщики вышли, Сиберски, сунув руки в карманы джинсов, спросил:

– Ну что, комиссар? Что вы об этом думаете?

– Пока я главным образом задаю себе вопросы. Почему привели сюда? Почему живую? Почему она голая и бритая?

Молодой лейтенант поделился со мной своими впечатлениями по горячим следам:

– Жертва находилась в кабинке для исповеди. Дверь в центральную часть исповедальни была открыта, значит убийца сел на место священника. Стало быть, все в этой мизансцене указывает на ритуал исповеди. По одну сторону окошка – коленопреклоненный грешник, по другую – духовник.

– С той разницей, что наша грешница пришла не по своей воле.

– Это ясно! Ей связали руки и ноги, это доказывает, что ее каким-то способом вынудили подчиниться, возможно применив физическое воздействие, тогда, наверное, от усилий освободиться она и обливалась по?том… но, возможно, воздействие было только вербальным.

– Что-нибудь в духе «Говори, покайся в совершенных тобой грехах, и Господь тебя простит…».

– Вот именно. А что касается ее наготы… Разве видеть перед собой голую связанную женщину, стоящую на коленях и молящую о прощении, – не высший символ господства, отношений между хозяином и рабыней?

Я прищурился.

– Конечно, могло быть и так, но… – Я обвел руками пространство. – Оглянись вокруг. Церковь образует монолит, и предназначение у нее одно: молитва, самопожертвование, вера. Видишь ли, я мало что понимаю в религии и Библию-то едва прочел, но знаю, что в Книге Бытия Адам и Ева изображены нагими, такими же голыми, как наша потерпевшая. Чистота первых дней… Изначальная

нагота всех творений Господа…

Сиберски странно присвистнул:

– Ничего себе! К чему это вы клоните?

– Всего лишь к тому, что действия преступника можно объяснить, изучив место преступления. Может быть, он побрил и раздел жертву не для того, чтобы осуществить какой-то свой фантазм, а совсем с другой целью. Может быть, он решил привести ее сюда, чтобы подготовить к… некоему обряду. Может быть, он хотел предать ее Божьему суду в первозданном виде, в полной наготе, которая уравнивает всех людей? – Я разглядывал находившийся у меня перед глазами большой витраж. – То есть я хочу сказать, что не надо все сводить к садизму, к фантазмам сексуальных извращенцев. Некоторые стремятся к более… продуманной цели.

– Такой же продуманной, как присутствие этих странных бабочек. Зачем понадобились эти мерзкие твари?

Я пожал плечами:

– Не имею ни малейшего понятия. Что чаще всего повторяют, если речь заходит о бабочках? Что они символизируют собой красоту, возрождение, преображение, которое совершается, когда они выходят из куколки.

– Угу. Похоже, мы имеем дело с поклонником «Молчания ягнят»…[2 - В фильме Джонатана Демми «Молчание ягнят» маньяк-убийца кладет в рот своим жертвам куколку «мертвой головы». – Здесь и далее примеч. перев.] С совершенно свихнувшимся типом, с одержимым.

– Одержимый он или нет, но самообладание у него завидное. Здесь все взвешенно – достаточно посмотреть на положение тела женщины, и не забудь о наличии меда, запаха, бабочек. Судя по всему, этот тип совершил преступление хладнокровно, не поддаваясь никаким неосознанным побуждениям, потому и не допустил ошибок.

– Значит, он заранее и тщательно готовился. Знал, где что находится, знал, как попасть внутрь… Возможно, он усердно посещает воскресную мессу… – Сиберски сделал паузу, чтобы отметить в блокноте эту линию расследования, затем продолжил: – Он привел в надлежащий вид свою добычу, которую уже не первый день держал в заточении, вымыл ее, побрил, надушил. Он раздобыл этих насекомых. И начал действовать. Исповедальня, глубокая ночь…

Я снова подошел к кабинке и стал развивать мысль Сиберски дальше:

– Совершив убийство (каким способом – нам пока неизвестно), он развязал руки кающейся грешницы, чтобы расположить правую кисть определенным образом. Указательный палец убитой явно задает нам направление.

– Но ведь эксперт уже проверил… И я тоже… На деревянных панелях ничего особенного нет…

– Придется поискать еще. К нам обращается не жертва, а ее убийца. И этой мрази явно есть что сказать.

Я снова, согнувшись, с трудом втиснулся в душную кабинку. На той стенке, на которую показывал палец, рассмотрел царапины, обнаружил несколько вмятин, но больше ничего. Я даже постучал в разных местах по гладкому дереву, но изменений звука не уловил.

– Черт! Но должно же это что-то означать! А может, оно за пределами исповедальни? Тогда… тогда, получается, она указывает на… вот этот ряд колонн и в самом конце… на вот эту часть стены.

– Я не стал вас дожидаться и все это уже осмотрел, – оборвал меня Сиберски. – И пол, и колонны, и стену… Там тоже нет ничего необычного, никаких надписей или странных отметин. Может быть, стоит поговорить со священником…

– Минутку…

Я бродил среди изумлявших своим совершенством украшений, пораженный великолепием архитектуры. Я ощупывал древние камни. Ничего не увидев там, куда указывал мертвый палец, расширил зону поисков. Скамьи, неф, резьба…

Неудача, снова и снова неудачи. Убийца обращался к нам, а мы отказывались его выслушать.

– До чего же мне это не нравится!

Я в последний раз пристально вгляделся – и в последний раз меня постигло разочарование.

– Все, я возвращаюсь в контору, Леклерк меня ждет. Кто опрашивает ближайших соседей?

– Кромбез, с ним еще пятеро или шестеро.

– А кому поручено записать показания священника?

– Официально – мне, и я уже чертовски опаздываю.

– Надо выделить кого-то, чтобы обшарил всю церковь. И если понадобится заглянуть под юбку Пресвятой Деве, значит залезем под юбку Пресвятой Деве! – Приблизившись к задней двери, поперек которой была натянута желтая лента, я спросил: – Ты вроде упомянул, что эту дверь уже взламывали три месяца назад? Хоть какие-то подробности известны?

– Да. Дело было в конце апреля. Священник думает, что ее взломали цыгане, которые в то время стояли табором в двух шагах от церкви.

– И что они украли?

– Ничего, просто зашли ночью в церковь…

Я недоверчиво потеребил бородку:

– Странно для цыган. Видишь ли, я достаточно много с ними общался и могу тебя заверить, что заходить в церковь у них не в обычае.

– Знаю. Ко всему еще в то время здесь, скорее всего, было полным-полно всякого оборудования типа электрогенераторов: свод и некоторые колонны растрескались, так что часть здания реставрировали…

Я резко остановился.

– Третье измерение! Ты мог бы сообразить! Вертикаль!

– Что?

Но я уже вернулся в центр нефа и, задрав голову, всматривался ввысь. Под каменным сводом, образуя сетку теней, скрещивались ряды легких арок.

– Ищи! Ищи вместе со мной на арках!

– На арках? Но как бы он смог туда забраться?

– Так же, как рабочие! Воспользовавшись их лесами!

У меня внезапно сжалось сердце.

– Вот она, посмотри наверх! Вот же – трещина! Жертва указывала на эту колонну! Ее верхнюю часть реставрировали! Искать надо не внизу, а наверху!

Вытянув руку и не отрывая взгляда от верха колонны, я крикнул напоследок:

– Готовься к встрече с Иисусом! Сегодня мы поднимемся в небеса!

Глава третья

Знаешь, нам было так больно… Элоиза все время плакала, она и теперь плачет.

Знаю, милая, знаю. Скажи Элоизе, что я люблю ее, скажи ей, что она должна быть сильной.

Она скучает по тебе, здесь ничего нет. Она повсюду тебя ищет. Она не понимает, почему тебя нет рядом. И мне приходится все время ей объяснять…

– …миссар… Комиссар!

Зрачки сузились. Синее небо, красные крыши, я на паперти церкви… Сделав глубокий вдох, я провел рукой по взмокшему лицу и посмотрел на Сиберски, который тыкал пальцем в мой правый ботинок, прожженный тлеющим окурком. Тряхнув ногой, я скинул сигарету и затоптал ее.

– Черт, совсем новые!

Лейтенант дрожал от нетерпения:

– Я нашел послание! Оно на одной из восстановленных колонн! Надо только дождаться эксперта и тележки с подъемной платформой.

Прохладное помещение было наполнено умиротворяющим светом. Сиберски показал мне, куда смотреть, протянул бинокль:

– На самом верху… Отсюда толком не разобрать, но через бинокль я прочитал… Попробуйте сами…

– Что там сказано?

– Трудно объяснить… Но в любом случае от этого дрожь пробирает…

Он показал мне точное место на своде – больше десяти метров от пола.

Я подкрутил бинокль, и передо мной появились вырезанные на камне слова:

За тимпаном Блудницы ты найдешь бездну и ее черные воды. Затем Достойный убьет вторую Половину из двух половин своими нечестивыми руками, и волна

сделается красной. И тогда бедствие под трубные звуки распространится, и во время потопа ты вернешься сюда, ибо все заключено в свете. Следи за болезнями, а главное – берегись дурного воздуха.

Некоторое время я молчал, и азарт во мне боролся с яростью. Новое дело явно сулило игру в гусёк[3 - Старинная игра, прародительница всех настольных игр с кубиком и фишками, передвигающимися по игровому полю в соответствии с выпавшим на кубике числом очков.] на местности.

– Мало что понял, – сощурившись, признался я наконец, – но этот текст смахивает на предупреждение или какую-то головоломку, придуманную извращенцем…

– Тем более что он, похоже, написан не вчера, а тогда, когда шли работы. То есть наш убийца начал подготовку больше трех месяцев назад… Сначала он предупреждает… потом действует… Вот уж точно – заранее обдуманный умысел!

– Запиши, что надо найти и допросить рабочих. Странно, что они сами не сообщили об этом послании.

Сиберски сделал пометку в блокноте и предложил:

– Позвоните-ка вы судмедэксперту, попросите его заглянуть в уши жертвы – вдруг «за тимпаном Блудницы» что-то найдется.

Я тут же связался с Ван де Вельдом, который как раз собирался вскрывать тело. Он пообещал перезвонить, как только сможет.

– Тебе сейчас будет давать показания священник. Прочитай ему эти слова, может, он поймет из них больше, чем мы… Если убийца хочет с нами поговорить… давай его выслушаем… – сказал я лейтенанту.

– Думаете, это религиозный фанатик? – спросил Сиберски. – Один из тех, кто думает, будто убивает во имя Господне?

– Пока рано об этом говорить. Но уже понятно, что мы беремся за долгое и мрачное дело.

Глава четвертая

В ходе расследования нередко встречаешься с кучей интересных людей. Ученые, психологи, компьютерные маньяки, хирурги…

Из всего этого богатого ассортимента серого вещества я особенно ценил Поля Лежандра, доктора богословия, профессора Парижского свободного факультета протестантской теологии. Вот уж поистине ходячая религиозная энциклопедия: стихи Библии ловит на лету, читает ее запросто, как газету. Мы с ним подружились, когда я расследовал одно грязное дело.

После нескольких безуспешных попыток дозвониться Лежандру я отправил ему с рабочего компьютера письмо с обнаруженным нами текстом. Возможно, эти строки позаимствованы из трудов какого-нибудь мистика или связаны с философским течением, имеющим отношение к религии. Тогда Поль точно сумеет определить, откуда они взяты.

Сиберски тем временем допросил священника, юнца двадцати четырех лет, который ничего внятного из текста выудить не смог. Начало не из лучших.

Откинувшись на спинку старого кожаного кресла, я разминал плечи и шею.

Через этот холодный серый кабинет прошли самые страшные уголовные дела, какие можно себе представить. Насилие, педофилия, пытки, убийства. Насущный хлеб ребят из уголовки, топливо их ночей, паразит, разрушающий их семьи. Но когда зацепиться в жизни больше не за что, здесь может показаться почти уютно.

После нескольких минут блужданий в путанице неясных мыслей рот у меня наполнился слюной. Ну вот, приехали – руки дрожат, лоб мокрый от пота. Все по новой…

Я вытащил коробочку с крохотными таблетками и через силу проглотил одну: я помнил, что проклятые пилюли сделали с моей женой. Это средство заставляло призраков в ее голове умолкнуть, но вместе с тем отгораживало ее от мира, приводило к медленному печальному отупению. Сегодня настал мой черед. Цена, которую надо заплатить за то, чтобы все наладилось… Я вздрогнул от звонка местного телефона.

Окружной комиссар Леклерк вызвал меня к себе. Даже на расстоянии чувствовалось, что он пылает гневом.

И тут же зазвонил мобильник – Усин Курбевуа, энтомолог, хотел рассказать про бабочек.

– Ты принес мне семь великолепных самцов бражника Acherontia atropos, которого чаще называют «сфинкс „мертвая голова“» – из-за довольно страшного рисунка на тораксе.

– Можно предположить, откуда они взялись?

– Эти ночные бабочки все реже и реже встречаются в наших лесах. Твои экземпляры явно выведены в питомнике.

– Ты уверен?

– Еще бы! Жизнь взрослой особи очень коротка, ее продолжительность – от семи до десяти дней, и поймать такое количество бабочек за такой короткий срок, пожалуй, никому не под силу, а все твои экземпляры одного возраста, им по четыре-пять дней. Откуда я это знаю? На стадии гусениц сфинксы создают запасы питательных веществ, позволяющие им во взрослом состоянии обходиться без еды, – так вот, измерив запасы питательных веществ в гемолимфе[4 - Гемолимфа – «кровь насекомых», бесцветная или зеленая жидкость, которая осуществляет транспортировку питательных веществ от стенок пищеварительного канала ко всем органам.], я смог подсчитать, какое количество они уже израсходовали, и таким образом определить их возраст. Имей в виду, что следы меда я тоже нашел. Сфинксы до него очень охочи.

Таблетка меня уже заметно подстегнула.

– А эти белесые пятна на голове жертвы?

– Тут все дело в гормоне, который называют феромоном. Он находится в железе, расположенной на кончике брюшка у самок, и капельки в несколько тысячных долей грамма этого вещества достаточно, чтобы все самцы того же вида, сколько их есть на десять километров в округе, на нее слетелись. Настоящий магнит! Этим и объясняется, почему бабочки прилипли к голове жертвы.

– Понятно… А что, нет ли у этих сфинксов каких-то особых признаков, вызывающих ассоциации… религиозного толка… или, может быть, они представляют собой какой-то символ?

Перед тем как ответить, мой собеседник ненадолго задумался:

– У этого вида бражников всегда была очень плохая репутация – из-за черепа и из-за тревожного писка, который они издают, почувствовав себя в опасности. Считалось, что такая бабочка, порхая около двери или окна, притягивает дурной глаз… В некоторых легендах сфинксам приписывается роль посланцев умерших, ищущих способ обратиться к живым с последней просьбой. Но, разумеется, все это ни на чем не основано! Что же касается символики… Мне трудно ответить на твой вопрос конкретно: тут все довольно расплывчато, поскольку чешуекрылые благодаря своим последовательным превращениям, конечно же, порождают множество символов. Чаще всего – но тут, думаю, я ничего нового тебе не открою – говорят о воскрешении существа, выходящего на свет из хризалиды… Возможно, именно это твой преступник и имел в виду, поместив сфинксов в церкви. Воскресение, Иисус… Понимаешь?

Местный телефон снова зазвонил: Леклерк потерял терпение.

– Извини, больше не могу говорить, – сказал я энтомологу, взявшись за трубку. – Пришлешь мне сегодня в течение дня свое заключение?

– Не вопрос.

– Пиши все, что приходит в голову, не упускай ни единой детали, пусть даже тебе она кажется незначительной, мы потом разберемся. И не забудь вставить эту историю с воскресением…

Договорив, я выскочил в коридор.

Окружной комиссар кивком показал, чтобы я закрыл за собой дверь.

– Мне только что сообщили новость. Шарк, какого черта, что на тебя нашло?! Генеральная инспекция теперь с нас не слезет! – Начальник стукнул по столу тощим, но крепким кулаком. – Ты сломал ему нос! Он лежит в больнице!

Я с невинным видом уставился на Леклерка:

– О ком вы говорите?

У него на шее вздулись синие змеи.

– Не придуривайся! Патрик Шартре тебя узнал! Прошлая неделя, Сен-Мало – тебе это о чем-нибудь говорит?

Я потеребил недавно подстриженную бородку:

– Сен-Мало? Я был в Бресте, останавливался в гостинице «Солончаки». Можете проверить. Номер триста два был забронирован на имя Франка Шарко…

Леклерк напряженно помолчал, смял зубами пластинку жвачки, потом снова взорвался:

– И как нарочно – Бретань! Сам знаешь, они в два счета докажут, что ты был в Сен-Мало! Плевать им на твой послужной список и твои награды. Красный ангел – это давняя история… Шарк, наверху не очень-то одобряют твои оперативные методы и действия в одиночку. Мне пришлось наизнанку вывернуться, чтобы тебя взяли обратно. И посмотри, в какое дерьмо я из-за тебя вляпался! Тебе совершенно незачем было это устраивать! Прошел почти год!

У меня губы сжались в нитку.

– Может, лучше поговорим о деле…

Я был на удивление спокоен, и это приводило Леклерка в ярость. Кровь как бросилась ему в лицо, так и не отхлынула.

– Не могу позволить тебе вести расследование одному! Ты хороший сыщик, лучший из всех, кого я знаю, но пойми: если им удастся доказать, что ты избил этого мудака, тебя отстранят от работы, а у меня будет куча неприятностей. Но мне необходим человек, который сможет вести расследование от начала до конца. Ты… ты будешь помогать комиссару Дель Пьеро…

Я вскочил, обеими руками хлопнул по столу:

– Мне быть на побегушках у Дель Пьеро? Вы смеетесь надо мной? Она только что у нас появилась!

Леклерк положил перед собой папку с делом:

– Еще один довод в пользу того, чтобы поручить Дель Пьеро серьезное расследование. До того как прийти к нам, она три года проработала в Марсельском региональном управлении, в отделе финансовых преступлений, и семь – в Лионском управлении по борьбе с бандитизмом. Опыта у нее хватает, она быстро разберется.

– Плевал я на ее опыт! Дайте мне свободу действий! Это мое расследование!

– Еще чего! Никакой свободы! – громыхнул начальник. – Все решено – окончательно и бесповоротно! А тебе не на что жаловаться, никто же, мать твою, тебя не отстраняет…

Увидев, что взгляд черных глаз Мартена стал ледяным, я понял, что своего мнения он не переменит, направился к двери и рывком распахнул ее.

– Дель Пьеро тебя ждет прямо сейчас, до того как мы соберем людей и официально объявим о ее назначении. Кабинет на той стороне, – проскрипел он на прощание.

– Знаю! – сквозь зубы ответил я. – Но сегодня я еще в отпуске, так что ухожу домой… До завтра…

Дверь кабинета Леклерка с грохотом захлопнулась, и я понесся по коридору под аккомпанемент выкриков шефа: «Не валяй дурака, Шарк, не валяй дурака!»

Снаружи была такая парилка, что рубашка на мне мгновенно намокла. С прохожих тоже пот катился градом, обжигающий воздух заставлял их осаждать фонтаны или загонял в магазины с кондиционерами. И несмотря на запреты, в Сене плескались несознательные купальщики.

Так сильно солнце никогда еще не пекло.

По дороге я купил в своей любимой лавочке – старом магазине, где продается все для моделирования, – гуашь, новые кисточки и гипсовые формы: захотелось сделать и поставить в ожидании поезда на одном из перронов моей железнодорожной сети семью 1930 года – мужчину, женщину и девочку в костюмах того времени. И чтобы они держались за руки, и чтобы у них были радостные лица. Такой вот образ вечного счастья.

Мобильник зазвонил, когда я шел через парк.

– Это Ван де Вельд. Вы просили перезвонить насчет барабанной перепонки.

– Там что-нибудь нашлось?

– Угадали… Барабанная перепонка правого уха жертвы была проткнута, и я достал из евстахиевой трубы оловянный цилиндрик. Должно быть, убийца засунул его туда, протолкнув в слуховой проход очень тонким пинцетом.

Вот и начинают открываться тайны этого убийства… Я покрепче прижал мобильник к уху:

– И что оказалось внутри цилиндрика?

– Свернутая полоска кальки, покрытая надписями. Но понять ничего нельзя… Какие-то горизонтальные, вертикальные и диагональные черточки. Похоже на шифр, к которому нет ключа.

Я замер на дорожке среди розовых кустов:

– Что? Только непонятные значки и больше ничего нет? А в левом ухе вы посмотрели?

– Разумеется! Вам известны случаи, когда я что-то делал наполовину?

– Вы уже отдали гильзу в лабораторию?

– За ней придут с минуты на минуту.

– Попросите как можно быстрее отсканировать сообщение и переслать его мне лично.

Я продиктовал свой электронный адрес, потом спросил:

– Слова «за тимпаном Блудницы ты найдешь бездну и ее черные воды…» вам ни о чем не говорят? Вы не нашли следов черной жидкости или какого-нибудь черного вещества?

Ван де Вельд на том конце провода что-то жевал. Я устроился на скамейке и вытащил из сумки блокнот. Вдалеке, в тени ивы, лежала девочка с книжкой.

– Нет… Нет, ничего на ум не приходит. За барабанной перепонкой действительно есть жидкость, которая передает вибрации на слуховой нерв, но она скорее перламутрово-белая.

Записав это, я попросил судмедэксперта продолжать.

– Тело жертвы таит столько же секретов внутри, сколько и на поверхности, – сказал он. – Вы хотите вкратце или во всех подробностях?

– Давайте пока вкратце. Только главное…

– Что касается телесной оболочки и скелета – я не обнаружил ни единого повреждения кожи, ни одной гематомы, никаких трещин или переломов… Комиссар, вы ведь одно время работали в бригаде по борьбе с бандитизмом?

– Да, а что?

– Думаю, вам приходилось оказываться на месте сразу после взрыва? Так вот, здесь картина та же самая: тело взорвалось изнутри, словно петарда, точнее объяснить не могу. Для того чтобы высказаться более определенно, надо дождаться результатов анализов крови и токсикологических проб.

Я записал самое существенное и спросил:

– Так от чего она умерла?

– Ее артерии были забиты невероятным количеством сгустков крови, образовавшихся, по-видимому, в результате разрыва красных кровяных шариков. Сосуды из-за этого раздулись, что привело к нарушению работы сердца и сосудистой системы легких, и в результате у женщины началось воспаление легких. Сопровождающееся острой бронхопневмонией, или, если вам так больше нравится, бронхитом силой в десять баллов. Странно в такую жару, да?

Я подпер лоб рукой:

– Могла она быть отравлена, могли ей впрыснуть какое-то ядовитое вещество?

– Никоим образом. С тем набором реактивов, каким мы располагаем, проще простого выявить признаки любого отравления. Нет, она не была отравлена. Единственное, что мы нашли у нее в желудке, – это… огромное количество меда.

– Огромное количество? Сколько же?

– Больше пятисот граммов. И должен сказать, убийца, судя по всему, жестоко принуждал ее проглотить этот мед: нёбо и горло поцарапаны так, будто ей с силой пропихивали в рот ложку или воронку.

– А что за мед – это вам удалось выяснить?

– Довольно давно начавшееся пищеварение и химические реакции мешают нам определить его сорт или происхождение, – ответил он и, воспользовавшись

моим замешательством, прибавил: – Поверьте, комиссар, эта женщина была настоящей биологической бомбой! Что-то полностью разрушило ее изнутри. Какая-то болезнь, возможно, какой-то вирус… К сожалению, пока непонятно ни с какой скоростью шел процесс, ни при каких обстоятельствах, но, учитывая состояние внутренних органов жертвы, можно утверждать с полной уверенностью, что убийство совершено, так сказать, не на поверхности, а внутри ее тела.

Ван де Вельд резко, как обычно делают спешащие люди, отключился. Я медленно запрокинул голову, мой затылок лег на спинку скамьи, перед глазами раскинулось не запятнанное ни единым облачком небо. Труполог назвал потерпевшую «биологической бомбой», в послании говорилось о «бедствии».

«И тогда бедствие под трубные звуки распространится…»

Как это все понимать? Надо ли считать убийство в исповедальне первым предупреждением? Я встал со скамейки, сунул руки в карманы.

Слева от меня девочка, почти скрытая цветником, продолжала читать. Меня заинтересовала не столько она сама, сколько ее книга. Я глаз не мог оторвать от сине-зеленой обложки, и сердце у меня стучало все сильнее.

«Подвиги Фантометты», издание 1961 года. Любимая книжка моей дочки, моей Элоизы…

Глава пятая

Указательный палец трупа направлен в сторону предупреждения, вырезанного в камне на высоте десяти метров от пола. Жертва раздета догола, полностью выбрита, поставлена на колени, ее плоть взорвана изнутри. На голове у нее семь живых бабочек, семь сфинксов «мертвая голова». В послании говорится:

«За тимпаном Блудницы ты найдешь бездну и ее черные воды. Затем Достойный убьет вторую Половину из двух половин своими нечестивыми руками, и волна сделается красной. И тогда бедствие под трубные звуки распространится, и во

время потопа ты вернешься сюда, ибо все заключено в свете. Следи за болезнями, а главное – берегись дурного воздуха».

Усевшись по-турецки посреди гостиной, я раскидал вокруг свои заметки. «За тимпаном Блудницы» судмедэксперт нашел оловянную гильзу, в которой лежала исчерканная непонятными знаками полоска кальки. У меня перед глазами была отсканированная копия, с которой я все перерисовал на кальку, чтобы воспроизвести оригинал.

Знаки на кальке… Почему было не взять просто бумагу? Какая тут связь с «бездной»? Что означают «черные воды»?

Я вспомнил о Поле Лежандре, моем докторе богословия. Бросился к компьютеру, проверил почту: ничего интересного, одна тупая реклама. Ладно, позвоню. Автоответчик. Ничего не поделаешь…

Символы явно требовалось чем-то дополнить. Тогда из этих горизонтальных и вертикальных черточек, из этих косых штрихов вполне могли бы сложиться слова, а из них – другой текст. Текст, части которого недостает… Части… Я напрягся. Подобрал предупреждение и прочитал вслух:

– «Затем Достойный убьет вторую Половину из двух половин своими нечестивыми руками…»

Две половины! Вот оно что: у нас только половина послания! Потому и калька? Эту полоску кальки надо наложить на вторую его часть? Но ведь Ван де Вельд препарировал тело. Открытое сердце, взрезанный мочевой пузырь, распиленный череп, искромсанный мозг… Отличная работа, вот только Смерть больше ничего не сообщила. Где же, черт возьми, искать недостающую половину? Как добраться до «бездны» с ее «черными водами»?

Послание… Все должно таиться в послании, скрываться за буквами. Я перечитал его еще раз, еще десять, еще сто раз, впиваясь в каждое слово, в каждую запятую, отмечая каждую заглавную букву. С большой буквы начинается «Блудница», жертва. С большой буквы начинается «Половина»…

А что, если эта «вторая Половина» обозначает мужа потерпевшей? В таком случае он тоже в опасности. Может быть, убийца напал не на одного человека, а

на семейную пару…

Это меняло условия задачи.

Я вскочил, не в силах усидеть на месте. Но что делать, куда идти? У меня же нет ничего, кроме обрывков сведений…

Пицца, доставленная «Быстрым Кроликом», исчезла в моем желудке до последней крошки, но я даже не понял, с чем она была. Шуршание радио. Настроить на другую волну. Не важно на какую. Только не тишина. Лишь бы не молчание…

Не то они могут вернуться. Голоса.

Все, несомненно, здесь, у меня перед глазами. Я опустил веки. Тень, взбирающаяся на самый верх лесов… Глубокая ночь… Апрель… Вокруг изображения святых… Витражи, распятие, отзвуки молитв… Почему в церкви? Зачем так высоко, там, где никто не увидит?

Наслаждение.

Затем, чтобы наслаждаться, стоя в толпе.

Я представил себе, как он каждое воскресенье поднимает глаза к посланию – в ту самую минуту, когда рядом проповедуют Слово Божие… Испытывал ли он при этом возбуждение, упивался ли своим могуществом? Заранее объявить об убийстве, вырезать свое сообщение на камне под сводами храма, у всех на виду – какое удовольствие для извращенца…

Я снова впился глазами в текст.

«Достойный»… О ком говорит убийца? О себе самом? Почему он так упорно оставляет шифрованные сообщения? Какая роль отведена в его игре этой женщине с разрушенным телом? Что означают слова «во время потопа ты вернешься сюда, ибо все заключено в свете»? Куда надо вернуться? В церковь?

Когда мой запас мыслей совершенно истощился, я принял душ, потом оделся полегче, в шорты с майкой. Окна были распахнуты настежь, но вместо воздуха впускали в комнату лишь тучи комаров. Растения в ящиках на балконе умирали от жажды. Я полил их прохладной водой.

Уже десять. Смеркается. Скоро совсем стемнеет, наступит ночь. Я один. Один в кухне, один в постели. Не вспоминать. Занять чем-нибудь голову. Телевизор, надо включить телевизор. Скрип тормозов, крики.

Приходи к нам, Франк… Элоиза хочет тебя видеть… Приходи… Приходи… Не оставляй нас одних…

Сюзанна… За шесть лет после этого… этого кошмара она не сказала ни слова. Почему она сейчас не оставляет меня в покое, почему ее голос звучит у меня в голове? Не думай, Франк, не думай… Поезда. Запусти поезда… Надо закончить пейзаж. Отлить, раскрасить и поставить семью… Завтра куплю рельсы. Надо расширить сеть. Нарастить рельсы. И локомотивов добавить. И шума пусть будет побольше… Надо, чтобы все время был шум.

Я дрожащей рукой потянулся к коробочке с таблетками, и тут в дверь постучали.

На лестничной площадке девочка, вся в слезах и трясется. Мне показалось, что это та самая малышка с «Фантометтой». Я присел на корточки:

– Что случилось?

Девочке не больше девяти или десяти, круглое детское личико пылает от смущения, она смотрит в пол и теребит тонкими пальчиками складки голубой ночнушки – как тут не растрогаться?

– Я осталась снаружи… Мама ушла… на работу. Я хотела поймать кошку, она выскочила… следом за мамой. А дверь… дверь захлопнулась!

Мои губы сами собой расползлись в нежной улыбке.

– Когда вернется твоя мама?

– Завтра утром, она медсестра.

– А папа твой где?

– Он уехал… Уже давно…

Я жестом пригласил ее войти:

– Вы с мамой только что переехали?

– На прошлой неде…

Девочка в полном восторге замерла перед моей железной дорогой с тоннелями и маленькими паровозиками, которые пыхтели от удовольствия, хвастаясь своей силой, и одним движением смахнула слезы.

– Красиво, правда? – пробормотал я, опускаясь на колени рядом с гипсовыми фигурками.

Я смотрел на нее, забыв о времени, тем глуповатым взглядом, какой навсегда остается у любящего отца.

– Ты знаешь, в какой больнице работает твоя мама?

Девочка молча помотала головой, ее агатовые глаза горели. Почему она пришла именно ко мне, к полицейскому, погруженному в свои воспоминания, к человеку, который ни с кем не встречается и ни с кем встречаться не хочет? Один раз я видел репортаж про льва, сжалившегося над раненой антилопой. Эта девочка совершенно выбила меня из колеи! Немного подумав, я предложил:

– Давай сунем записку под дверь твоей квартиры, напишем, что ты здесь, в тридцать второй. И тогда твоя мама, когда вернется, будет знать, где тебя найти. Хорошо? Я лягу на диване, а ты можешь спать на моей кровати.

Она стиснула руки на груди и торжествующе завопила: «Дааааа!»

Вечер догорел, освещенный нашими сообщническими взглядами. Я рассказывал ей про поезда, объяснял, какие правила надо соблюдать, как оживлять персонажей, и еще – как использовать бытовые материалы, чтобы создать декорацию. Бумага, пробки от бутылок, спички – все это в игрушечном мире, а тем более под детским взглядом вырастало, превращаясь в садики, цветники, поля люцерны… Отцовство не забывается, разлука его только укрепляет.

– Хочешь приложить руку к моему сердцу? – прошептала она, когда я подтыкал одеяло – такое простое действие, но такое мучительное.

Слегка удивленный этим предложением, я осторожно приложил ладонь к левой стороне ее груди – и не почувствовал никакого биения. У меня внутри все сжалось, а девочка улыбнулась во весь рот.

– Мое сердце прячется справа, – выдохнула она.

Я хотел переместить руку, но малышка ее оттолкнула:

– Вообще это врожденная аномалия, но для меня – огромная удача. Угадаешь, почему?

Я медленно покачал головой.

– Раньше, когда папа меня обнимал, наши сердца оказывались рядом, и каждый из нас чувствовал биение сердца другого. И знаешь что? Наступало время, когда удары точно совпадали, ритм совпадал. Вот потому я знала, что мой папа меня любит…

Я таял, убаюканный ее медовыми словами. И тут она, показав пальцем на экран компьютера, спросила:

– Почему он вдруг замигал?

– Письмо!

Я кинулся к компьютеру, развернул окно с последним сообщением. От Поля Лежандра, моего доктора богословия… Не дыша, проглотил присланные им

несколько строк. Кровь стучала у меня в висках.

– Мне надо уйти! Срочное дело! Я… с тобой посидит мой сосед. Ты знаешь Вилли? Парня, у которого на голове спагетти? Вот увидишь, он очень хороший!

Она распрямилась, словно кобра, и сердито прошипела:

– Нет! Я хочу остаться здесь и с тобой! Не уходи!

– Я скоро вернусь!

Глаза у нее стали серыми, как грозовое небо.

– Не уходи, Франк! Останься со мной! Если ты ее разозлишь, она уйдет!

– О ком ты говоришь?

Но девочка забилась поглубже под одеяло и больше рта не раскрыла…

Вилли, в пижаме, курил на другом конце площадки, перед своей закрытой дверью, вяло свесив голову к плечу. Я рассказал ему про девочку. Он зевнул, затянулся и проворчал:

– Валяй, дядя. Приводи ее. Но предупреждаю, нянькой я быть не собираюсь. Сейчас завалюсь дрыхнуть…

Я кинулся в комнату. Постель в беспорядке, подушка смята, но никакой девочки нет. Кухня, ванная, гостиная. Никого. Я хотел ее позвать, но не знал имени. Пустой коридор. Малышка, наверное, ухитрилась выскользнуть на лестницу.

Я скатился вниз, перепрыгивая через ступеньки, обшарил все укромные уголки и все возможные убежища. Все напрасно. И тут я вспомнил про записку, подсунутую под дверь седьмой квартиры. «Ваша девочка оказалась снаружи перед запертой дверью. Она у меня, на третьем этаже, в полной безопасности. Квартира номер тридцать два. Я полицейский».

– Черт!

Уговаривая Вилли подежурить у нас на этаже, я сунул ему в руку двадцатку. Он что-то промычал, не вынимая изо рта сигареты, сполз на пол и, раскинув ноги, привалился к дверному косяку. Великолепная картина.

Я же, переодевшись в чистую рубашку и легкие штаны и прихватив свой «глок»[5 - Пистолет австрийской фирмы, легкий и надежный.], рванул в Медон-ла-Форе.

Поль Лежандр захотел встретиться со мной лично, чтобы рассказать, что он вычитал в послании. В два часа ночи.

Глава шестая

Доктор богословия жил на опушке леса, в укрытии, сплетенном из нехоженых тропинок и шелестящих залежей. Его неоготический дом медленно вздохнул в свете моих фар.

Посреди этого исполинского лесного легкого, на ступеньках у входа в дом, сидел Поль, с трубкой в зубах. По его тяжелому лицу скользили тени от мигавшего штормового фонаря.

– Ты, стало быть, никогда не спишь? – улыбнулся я, протягивая ему руку.

Он улыбнулся в ответ, хлопнул меня по плечу и пригласил войти.

Мы устроились на террасе, окруженной тугими стволами и спутанными травами. Казалось, вокруг стоит душная тропическая ночь, в этой парилке у нас на рубашках проступили пятна от пота, а лица блестели, будто смазанные маслом.

Поль спас меня, налив бренди со льдом. И, старательно раскурив свою короткую трубку, перешел к делу:

– Я не смог понять смысл текста в целом, но нашел в нем некоторые подсказки, которые тебя заинтересуют. Для начала поговорим об этой «Блуднице» и ее «тимпане». Ты отметил заглавную букву в «Блуднице»?

– Да.

– Говоря о Блуднице, он имел в виду Церковь. В течение многих лет группы экспертов из разных стран исследовали тридцать девять книг Ветхого Завета. Они обнаружили там скрытые коды, символы, образы. Христос символически изображен супругом Церкви. И в последней книге Нового Завета, Апокалипсисе, Иоанн Богослов скрупулезно разбирает тему адюльтера. Он рассматривает развращенную Церковь как Блудницу, потому что она обманывает своего супруга, Христа.

Я невольно прищелкнул языком, глотнув дивного янтарного питья, и почувствовал, что мои мышцы уже слегка расслабились.

– Странно, – заметил я. – Один из моих коллег допрашивал священника, и тот уверял, будто ничего не понял из этих слов. Не очень понимаю, как служитель Церкви мог этого не знать.

Поль правой рукой описал в воздухе замысловатую фигуру.

– Все зависит от угла зрения, от точки зрения. Твой священник проповедует и несет Слово Божие, он опирается на Библию в своем служении… Мы, специалисты, проводим свою жизнь на археологических раскопках, в библиотеках католических институтов, в семитических исследовательских центрах. Мы стараемся разгадать символику библейских текстов, но при этом не ходим каждое воскресенье к мессе. Так что – да, твой священник вполне мог этого не знать…

Он одним глотком допил бренди и предложил налить мне еще, но я отказался.

– Прости мою необразованность, но почему тогда «тимпан Блудницы»?

Лежандр промокнул крутой лоб белым платком. Ночная жара ворочалась в его влажной плоти, тлела под пылающей кожей лица.

– Загляни в словарь! Тимпан – это скульптура или фреска[6 - Точнее – внутреннее поле фронтона, заполненное скульптурными или живописными украшениями.], которую можно увидеть у входа во многие романские церкви, прямо над дверью. Материальное воплощение приветственного послания, обозначение перехода из земного мира в Божий храм.

– Тимпан Блудницы! Вход в церковь Исси! Там скрывается что-то еще! Другое послание!

Вот оно! Я подумал о непонятном тексте, извлеченном судмедэкспертом из маленькой трубочки, спрятанной за тимпаном убитой. Тексте неполном, потому что вторая часть скрывалась за другим тимпаном — тимпаном церкви в Исси. Тимпан в ухе, тимпан над входом в церковь. Плоть и дух. Я нетерпеливо, словно капризный ребенок, потребовал:

– Объясни мне остальное! Бездна с ее черными водами, бедствие, дурной воздух!

Поль улыбнулся, показав стариковские, пожелтевшие от трубочного табака зубы:

– Потише, Франк, не гони так. Думаешь, я сейчас принесу тебе убийцу на блюдечке? Эти фразы, если говорить об их общем смысле, остаются загадкой, скопищем бессмыслицы, но я, пожалуй, не ошибусь, если скажу, что твой… клиент воображает себя мессией или каким-нибудь религиозным персонажем, наделенным… божественным могуществом.

С несокрушимым спокойствием могильной плиты теолог покачивал перед собой стакан.

– Просвети меня еще немного, Поль. Что еще ты расшифровал?

– Я ничего не расшифровывал, я всего лишь отметил. Так вот, похоже, что твой шутник черпал вдохновение в последней книге Библии, Откровении Иоанна Богослова. Ты знаком с этим сочинением?

– Очень поверхностно… 666, число зверя. Конец времен.

Поль широко использовал язык жестов. Крутил, покачивал, взмахивал руками.

– Он упоминает «Блудницу», затем трубу. «И тогда бедствие под трубные звуки распространится…» Я не могу вкратце изложить тот многословный и хаотичный сценарий, какой представляет собой Апокалипсис, но если в общих чертах – семь труб предупреждают семь Церквей Малой Азии о том, что бедствия распространятся по земле. Всякий раз перед началом бедствия трубит один из семи ангелов… Что же касается волны, которая сделается красной, можно, в конце концов, провести аналогию с наказанием, уготованным Сатане, который был ввержен в озеро огненное и серное. Волна делается красной…

Слушая Поля, который рассказывал мне обо всех этих странностях, я испытывал опасное удовольствие, тот особенный холод, который чувствует шпагоглотатель.

– Семь бедствий, семь Церквей… Все время повторяется это число, – наморщив лоб, заметил я. – Мы нашли рядом с убитой семь бабочек. Семь сфинксов «мертвая голова». Что символизирует собой это число?

– Совершенство, превосходство, обновление. Это число, превосходящее шестерку – число зверя, присвоено Божьим добродетелям. Оно очень много раз упоминается в Апокалипсисе.

– Все это представляется довольно бессвязным.

– Я тебя предупреждал! Этот текст состоит из тайных кодов, из скрытых сообщений. Все таится в глубине, за словами. И другое сообщение, то, что у тебя в руках, обладает этой силой. «Пророчество» содержит точно отмеренную дозу указаний, чтобы ты мог продвигаться вперед, но не слишком быстро. Наш «пророк» хочет, чтобы ты двигался с той скоростью, которую он тебе задал.

Я размял мышцы, покрутил уставшей шеей и попросил друга налить мне еще немного бренди. Он заодно наполнил и свой стакан.

– Расскажи мне про эти семь бедствий.

– Потоп из града и огня, который разрушает треть земли… Треть морских тварей умирает… Треть луны, солнца и звезд рассыпается в прах… Звезда падает с неба, уничтожая треть источников вод… Тучи саранчи нападают на людей и мучают их… Еще треть людей гибнет… И наконец, разгуливаются стихии…

– Иоанн Богослов не страдал от недостатка воображения.

– Это воображение лишь наполовину. Страх перед небом, падающим на голову, затронул всех, от кельтов до наших самых выдающихся астрофизиков. Отметь также, что твой пророк говорит о потопе. «…И во время потопа ты вернешься сюда…». Имеет ли он в виду потоп из Книги Бытия? Уничтожение всего живого на земле, за исключением тварей, взятых в ковчег? Все так туманно…

Поль набил трубку табаком, слетел по ступенькам и углубился в лес. Его голос терялся вдали и в темноте:

– Пойдем со мной, Франк. Давай поговорим немного о твоем деле. Расскажи мне о нем побольше. Семь бабочек, эта мертвая женщина… Твой кровавый мир меня завораживает…

Мы двинулись по усыпанной гравием дорожке среди лесных исполинов, и с каждым шагом темнота окутывала нас все плотнее.

Услуга за услугу – я рассказал ему о находке в исповедальне, о том, в каком положении было тело, о первых результатах вскрытия, о знаках на кальке, найденной за барабанной перепонкой…

Поль молчал, теперь я мог уловить лишь тень его тени, лишь эхо его присутствия, но, подстраиваясь под ритм нашего замедленного движения, я продолжал рассказывать… Дело… Моя жизнь, мое одиночество, мои страхи… Поль был знаком с моей женой задолго до ее похищения. Потом он ее не узнал. Невозможно скрыть то, что видно по глазам, а я тогда заметил в его глазах отсутствие блеска, той искорки, которая уже не вспыхивала, когда он нас навещал. Жалость… Он испытывал жалость…

А сейчас, не произнося ни слова, он помогал мне говорить дальше, побуждал довериться открытой и сочувствующей натуре, всегда умевшей меня понимать.

И я говорил, говорил, говорил…

Когда мы вернулись к дому, к свету, я – смущенный, ослабевший, обмякший – стер слезу. Поль налил мне стакан сока:

– Вот одна из способностей деревьев, которую я хотел тебе показать. Они поставляют кислород, и это подстегивает твой мозг. Приближайся к ним всякий раз, как появится такая потребность… они выслушают тебя.

Я залпом допил сок, вобрал полной грудью дыхание леса, попросил о последней услуге, и Поль дал мне лестницу, которую я пристроил на багажник. Пора ехать к «тимпану Блудницы».

Прощаясь, Лежандр положил мне руку на плечо и посоветовал:

– Будь осторожен, Франк. Если я не ошибся и ты действительно найдешь вторую половину шифра за тимпаном, значит ты и есть «Достойный». «Затем Достойный убьет вторую Половину из двух половин своими нечестивыми руками…» Твой убийца действительно в это верит. И он доведет до конца свою миссию.

Поль твердой рукой развернул меня и заставил посмотреть ему в глаза:

– Ты ведь неверующий, Франк, правда?

– Был верующим, но теперь у меня «нечестивые руки»…

Перед тем как захлопнуть дверцу, я добавил:

– Те, кого я любил больше всех на свете, погибли у меня на глазах. Во что я теперь еще мог бы верить?

Глава седьмая

Я ехал через спящие пригородные кварталы, разогретый асфальт дышал жаром, глаза щипало от усталости и страха. К какой мрачной развязке приведет меня эта игра с подсказками? К другой жертве? Пресловутой «Половине»? В моем мозгу, метавшемся от библейских стихов к хитросплетениям протокола вскрытия, роились тысячи вопросов. Лицо преступника оставалось непроницаемым. Что он, этот утонченный убийца, стремится доказать своими продуманными действиями, за которыми сквозит безумие?

Бороздя ночь за рулем машины, я чувствовал себя так, словно камень с души скинул. До чего же вовремя появилось это дело! Если говорить начистоту, обритая с головы до ног, изувеченная женщина просто-таки спасла неуправляемого полицейского – ведь Патрик Шартре, с его сломанными зубами и разбитым носом, представлял собой лишь видимую часть моего внутреннего айсберга. В глубине души я, стоя в доме Божием под взглядом Христа, благодарил ее за это…

В вышине на фоне белой звездной пыли обрисовалась церковная колокольня. Когда я прислонил лестницу к фасаду и полез наверх, подбираясь к тимпану Блудницы, сердце забилось быстрее. Три как следует набравшихся хулигана поинтересовались снизу, все ли у меня в порядке с головой, объяснили на своем наречии, что есть более простой способ попасть в рай, и скрылись за углом, щедро поливая меня руганью. Пропащая молодежь…

Прямо передо мной взывал к Небу ослепленный светом моего фонаря Иисус в окружении семи – опять семи! – ангелов. Я натянул резиновую перчатку и стал тщательно ощупывать все углубления и трещинки. Нигде ничего, кроме рассыпающегося камня. Поднявшись на цыпочки, сжав губы, я продолжал исследовать барельеф, хотя уже чувствовал себя дураком и начинал отчаиваться. Ясно ведь, что лопухнулся – и как! Вот только… мои пальцы вдруг наткнулись на цилиндрик длиной в несколько сантиметров. Оловянная трубочка! Поль и на этот раз сумел впрыснуть мне дозу адреналина.

Я собрал свои пожитки, бросился в машину и при слабом свете лампочки раскупорил находку. Внутри трубочки меня ждала калька… Вторая половина… А вот и знаки – путаница горизонтальных и вертикальных черточек. От возбуждения я весь дрожал, мне не терпелось наложить найденную кальку на уже имевшуюся у меня полоску.

Магическая комбинация – и мгновенное озарение.

– Не может быть!

Поглощенный своим открытием, я ничего вокруг не замечал. Между тем обе дверцы моей машины одновременно распахнулись: с одной стороны мне крепко дали в глаз и разбили бровь пустой бутылкой, протянувшаяся с другой пара рук забрала у меня сообщения, оловянную трубочку и компакт-диски. Оглушенный болью, я с трудом уловил:

– Говорил я тебе – этот кретин не деньги там прячет!

– Заткнись! Валим отсюда!

Я, пошатываясь, выбрался из машины, выхватил пистолет и прицелился в темноту. Те самые хулиганы проявились было под дальним фонарем, но сразу же и исчезли в боковой улице. Я в ярости скрипел зубами, но стекавшая по губам струйка крови и стреляющая боль в голове заставили меня отказаться от преследования.

Вот это облом! Бесследно пропала важная улика в уголовном деле. С отпечатками пальцев, анализом ДНК и графологической экспертизой можно проститься навсегда! Надо же так вляпаться!

Не сдержавшись, я в бешенстве стукнул кулаками по рулю. Подушка безопасности взорвалась мне в лицо. Комментарии излишни…

Придя в себя после этой досадной неожиданности, я включил зажигание. На мое счастье, текст, непрочная ариаднина нить, которую протянул мне убийца, остался у меня в голове.

Шмен-дю-Валь. Шом-ан-Бри.

Смертельная игра продолжалась, убийца постепенно выдавал дополнительные сведения. Он хотел, чтобы противник их заслужил, был этого достоин. «Достойный»…

Шом-ан-Бри. Судя по дорожному атласу – захолустная дыра в департаменте 77[7 - Номер 77 присвоен департаменту Сена и Марна региона Иль-де-Франс. Шом-ан-

Бри – городок с населением около 3000 человек в 45 километрах к юго-востоку от Парижа.]. Нашел там же на карте Мо, потом парижский Диснейленд. Три четверти часа пути. Асфальт под шинами дымился. Чуть было не набрал номер нашего дежурного: поднять всех на ноги в три часа ночи, окружить это место, вломиться силой, привести в действие тяжелую юридическую машину… – но опомнился. Сначала мне надо самому, в одиночку, разобраться в этой тарабарщине. Кровь притягивает акул, тех больших ночных акул, которым нравится плыть в потоках Зла.

Шоссе А4. Белые полосы в потемках. Несмотря на возбуждение, веки тяжелеют. Четыре часа сна за двое суток. Радио на полную мощность. Селин Дион. Ничего не поделаешь…

Ты слишком быстро едешь, Франк. Я терпеть не могу, когда ты гонишь. Знаешь ведь, что с нами сделала скорость…

Дело, думать о деле. Исповедальня. Бритая женщина. Разрушения в ее плоти. Думать о деле, постоянно занимать ум. Послание, адрес, Апокалипсис, святой Иоанн Богослов, семь бабочек, возрождение существа, воскресение…

Берегись, Франк. Твое внимание ослабевает. Ты устал. Следи за дорогой…

Замолчи, Сюзанна! Перестань говорить у меня в голове!

Горло горит. Я задыхаюсь. Воздуха! Воздуха! Опускаю до предела два передних стекла, жаркое дыхание ночи приводит меня в чувство. Теперь волшебная пилюля, чтобы унять тревогу. Вот и указатель. Я еду правильно…

Чистое поле. Изредка попадаются спящие дома. Крутые повороты, ухабы, красные вспышки в непроглядно– темной ночи… Отчетливо ощущаю, что сам лезу в ловушку…

Наконец-то на указателе Шом-ан-Бри. Отыскиваю прикрепленный к автобусной остановке план деревни. Шмен-дю-Валь. Еще два километра.

Финишная прямая. В свете фар видны недостроенные дома с проломами теней. Дорога сужается, с обеих сторон на нее наползают темные поля, в какой-то

момент я уже подумываю развернуться и уехать, но тут за оврагом вырастает черная крепость. Высокие ели, выстроившись в каре, теснятся около большого дома.

Выключив фары и прихватив с собой неразлучную парочку «маглайт»[8 - Maglite или MAG-Lite – известный американский бренд ручных и карманных фонарей с прочным алюминиевым корпусом.] – «глок», ныряю в неизведанные глубины.

Туда, куда он решил меня привести. В ловушку. Меня охватывает безмолвие мертвых вещей. Ветра нет, ничто не шелохнется, ни проблеска света.

Пройдя напрямик через пихтовый лес, я перелез через запертые ворота и приземлился на заросшей лужайке. Прошуршал шагами по ней и стукнулся коленом о кучу дров, откуда потянуло слишком хорошо знакомым запахом…

Разложение. Моя грудная клетка тотчас сжалась, сдавив легкие. К таким вещам привыкнуть невозможно…

Обломки конуры. По саду разбросаны оторванные доски, кто-то отдирал их с нечеловеческой силой. Луч моего фонаря уперся в труп добермана, приютивший странных гостей: раздутые личинки, сытые мухи. Смертоносный рой коснулся моего лица. Я еле удержался, чтобы не закричать.

Судя по оказанному мне приему, адресом я не ошибся… А что же я найду внутри?

Легкий ветерок пробежал по вершинам деревьев. Огромные руки, покрытые корой, тянулись ко мне со всех сторон, отбрасывая на землю черные тени. Казалось, ветки сейчас меня схватят…

Если я вломлюсь в дом без ордера, рискую навлечь на себя серьезные неприятности, окружной комиссар и без того уже точит на меня зубы после истории с Патриком Шартре.

Значит, лучше все-таки набрать номер дежурного… Я и набрал, но после второго гудка отключился – как только дверная ручка повернулась под нажимом моей руки.

Дверь заскрипела…

Нападение было молниеносным. Слепые лапки, шарящие по моим вискам. Шорох крыльев у щек. И все дрожит и гудит.

В первое мгновение, посветив фонарем на стены, я подумал, что это плесень, – очень уж они были мелкие и уж очень их было много, прямо несметное множество.

Комары.

Они появлялись отовсюду, сбиваясь в луче света перепуганной толпой. Они срывались с места темными гроздьями и рассыпались летучими картинами. Самые изголодавшиеся уже высасывали кровь из моих предплечий. Я раздавил сколько мог, пока шел по комнатам. Кухня, гостиная, ванная… Никого. Ни мертвого тела, ни запаха, ни беспорядка.

Когда я включил свет в столовой, насекомые облепили люстру, некоторые сгорели. Самые смелые предпочли голоду встречу с моей ладонью. Глупые твари! Я продвигался вперед, размахивая руками. На стене фотография. Парочка в обнимку на пляже. У нее длинные темные волосы, у него заметное брюшко. Приблизившись, рассмотрел снимок получше. Сомнений нет… Передо мной та женщина из исповедальни, только не мертвая и не скрюченная.

Два вопроса: во-первых, где ее муж, во-вторых, зачем убийца привел меня сюда? Я с трудом сглотнул, прижимая к щеке пистолет…

Наверху две комнаты. Супружеская спальня и еще одна, разгромленная. На стенах располосованные ножом постеры с портретами актеров: Бред Питт, Джордж Клуни, Мэтт Деймон, все без глаз. На полу стекло. Осколки лампочек. Разбитый светильник. Следы борьбы.

Трое… Их было трое. Мужчина, женщина, девушка. Одна уже в гробу. А двое других?

Я вернулся на первый этаж и, собрав последние силы, продолжил поиски. В гостиной нашел распечатанные письма, самые свежие – трехнедельной

давности. Адресованы Вивиане и Оливье Тиссеран.

Ван де Вельд заметил у жертвы длинные обломанные ногти. Провела ли она все эти три недели в заточении? Где? А ее муж, вторая «Половина»? Что касается их дочери Марии… Почему убийца не упомянул о ней в своем послании?

Кирпичи, сплошь покрытые роем с опасными хоботками и шуршащими крыльями, словно бы шевелились. В жизни своей не видел столько комаров!

Ковер. Ковер из насекомых. Некоторые валялись на полу, изнуренные нехваткой крови. Другие, охмелев от голода, летали с пустым брюхом. Как они все здесь оказались, почему собрались в этой комнате? Что могло привлечь их в таком огромном количестве?

«Бездна с черными водами»! Я снова взбежал наверх. Что это может быть – ванна, умывальник, унитаз, какая-то яма? Или – колодец в саду?

Опять скатился вниз, включил наружный фонарь. Ничего. Трава, деревья, поля… Заигравшись, устаешь.

Жеманные намеки убийцы заставили меня нарушить много правил, у меня от них просто крыша уже поехала. И я, решив, что все равно зашел слишком далеко, приступил к детальному осмотру дома изнутри…

Почти уже потеряв всякую надежду, я заметил альбомы с фотографиями и наскоро их пролистал… Пляж, горы, свадьба, всякие семейные глупости… Крупный план девушки. Восемнадцать лет, зажигательная блондинка. Скульптурные формы… На других снимках – мужчина с рыбой, насаженной на гарпун. Он же – с маской и трубкой… Все тот же человек с ластами на ногах у края… У края тренировочного колодца для аквалангистов!

Обливаясь по?том, я снова взялся за письма. Где-то я видел… Вот оно! «Дайвинг-клуб Мо».

Тренировочный колодец, «бездна и ее черные воды»! Послание достреливало последние патроны. Снова взревели шины…

Тридцать минут спустя, когда бензин был уже почти на нуле, я бросил машину на стоянке и направился к маленькому домику, затерянному на меловом пустыре, где из почвы торчали лишь самые упрямые травы и выветренные кремни. Ржавые таблички указывали путь к колодцу.

Я пересекал полосы тьмы, внимательно оглядывая меловые площадки и суровые провалы, в которых надолго слепнул глаз моего фонаря.

Впереди, под лиловым рассветным небом, до самого горизонта тянулся белый саван карьера. Вырубленная в породе лестница завела меня еще дальше.

И там, в глубине, наконец – провал в узкий темный колодец с тусклой водой. На краю указатель: «Колодец Мо. Глубина 30 м».

Кругом сумрачные завесы уходящей ночи, известковые равнины. Что я здесь найду? Новое послание? След? Или… труп?

Шум поблизости, совсем рядом. Я погасил фонарь и присел, держа «глок» наготове над огромным черным зрачком. Больше ничего не слышно, только стелющийся над землей жаркий ветер, не встречая на своем пути помех, набирает силу… Я осторожно приблизился к краю пропасти и, снова включив фонарь, вгляделся в бездну. В любое мгновение могла появиться неведомая рука и увлечь меня в беспредельный мрак.

И тут они опять начали лопаться. Пузырьки… «Половина» на тридцатиметровой глубине делала промежутки между выдохами: Оливье Тиссеран, тренер дайвинг-клуба Мо, под толщей воды экономил воздух. Но что за губительная сила удерживала его внизу?

Теперь я без колебаний позвонил в бригаду, попросил срочно связаться с комиссариатом Мо, прислать машину «скорой помощи» и приготовить барокамеру.

Снова пузырьки, бусинки жизни. Что делать? Ждать?

Впиваясь ногтями в бесплодные склоны, обдирая ладони, надрывая легкие, я вскарабкался на каменное плато и рванул напрямик к складу снаряжения для

дайвинга.

Замок был взломан. Прижимаясь к стене и вспарывая темноту световыми диагоналями, я приблизился к темным трепещущим существам, отчаянно бьющимся в пыльное стекло окна.

И увидел лик смерти. Сфинксы. Семь больших черных сфинксов, сбившихся в кучку.

Я быстро схватил баллон с воздухом и водонепроницаемый фонарь. Натягивать гидрокостюм было некогда. Я спрятал пистолет на шкафу, молниеносно разделся, закрепил при помощи лямок баллон на спине, привязал к ноге нож и, держа в руке ласты, помчался обратно к колодцу. В трусах и мокасинах.

Погружение… в бригаде по борьбе с бандитизмом я получил по дайвингу второй разряд, но это было в прошлом веке.

Тридцать метров! Опрокинутый десятиэтажный дом. Глубина, на которой подстерегают всевозможные ловушки: головокружение, депрессия, расстройства зрения… Кишечные газы сжимаются, воздух просачивается под пломбы и взрывает зубы. Неизвестно, что станет с моим телом.

Я огляделся. Вдали, у скал, по-прежнему никого и ничего. Ни мигалок, ни сирен. Пузырьки воздуха всплывают все реже. Десять секунд от выдоха до выдоха. Баллон у него почти пустой.

Как следует приладить маску. Отрегулировать клапан. Вдыхать ртом, выдыхать через нос… Вдох-выдох, вдох– выдох…

Снова бегут секунды… В надежде услышать голоса, в надежде, что не придется уходить под воду в одиночестве.

Все, у меня уже нет выбора – скоро пузырьки иссякнут. Вперед!

Когда я упал лицом в воду и первый раз вдохнул из баллона, в горле пересохло, меня скрутил страх – тот самый страх замкнутого пространства, который называют клаустрофобией, он лишает воздуха и сотрясает все чувства. Ночное

погружение – это погружение в глубины самого себя, в опасный мир, населенный демонами и чудовищами.

Я совсем спятил. У меня с собой никакого оружия, кроме ножа. Так можно и жизнью поплатиться.

Десять метров. Черно наверху, черно внизу. Барабанная перегородка вдавливается во внутреннее ухо. Больно… Маневр Вальсальвы: рот закрыт, нос зажат, зажмуриться и выдохнуть.

Безмолвие… Нарушь безмолвие. Дыши… Сфокусируй внимание на танце пузырьков, на гуле крови, наполняющей твои артерии… Дно… Цель – достигнуть дна… Преодолеть эту смертельно опасную слабость. Найти источник жизни.

Западня. Ты подумал про западню? Впереди, позади. На меня могут напасть откуда угодно. В любую секунду. Взмах лезвия. Шланг перерезан. Смерть.

Двадцать метров. Светлячок. Светлячок в огромном враждебном небе. Глыбы воды стараются раздавить меня, размолоть, стереть в порошок. Маска давит на лицо, высасывает глаза. Все мои органы сжимаются. Легкие, пищевод, желудок.

Меня тошнит, сейчас вырвет. Я спускался слишком быстро. По правилам – пятнадцать метров в минуту. Не больше. Не больше, иначе сдохнешь, взорвешься… Безмолвие… Нарушь безмолвие… Бегут пузырьки. Течет кровь. Стучит сердце.

Сколько еще спускаться? Сколько? Где я? У меня поменялись местами понятия верха и низа… Пузырьки, смотри на пузырьки. Они поднимаются, значит ты опускаешься. Клаустрофобия. Холод глубин сковывает мышцы, превращает плоть в камень. В ушах гудит, кровь заполняет полости… Дыши. Дыши. Пятью восемь – сорок. Шестью восемь – сорок восемь. Девятью восемь… Восемьдесят… Нет… Семьдесят… семьдесят два. Страх, смерть, боль. Смех. Металл… Элоиза. Я люблю тебя, я люблю тебя… Франк… Франк Шарко, комиссар полиции. Шарк, акула. Акула живет в воде… Вдох… Я живу в воде… Выдох… Комар, хоботок, укус… Вдох… Темно внутри, темно снаружи. Выдох…

Передо мной мелькнула белая ступня. Шум, мгновенная вспышка ужаса. Потом вся нога. Сердечный ритм ускорился втрое. Шестьдесят, сто двадцать, сто

восемьдесят… Паника. Я задыхаюсь. Воздух, дайте воздуха! Как надо дышать? Воздуха!.. Рот! Вдохни ртом, выдохни через нос… Еще раз. И все сначала… Слушай свое сердце… тук-тук… тук-тук… тук-тук… Вдох-выдох, вдох-выдох… вдох… выдох… Вот так… Дыши глубоко. Ты еще жив.

Человек в гидрокостюме лежал внизу, подо мной, его конечности были опутаны толстой веревкой, пропущенной через приваренные к стенке карабины. Я видел его лишь мгновениями, когда на него попадал свет моего фонаря. Теперь Тиссеран дышал непрерывно, выпуская серебристые цепочки пузырьков.

Рядом с ним два баллона с кислородом, два источника жизни, от которых змеился шланг.

В луче «маглайта» выкатившиеся из орбит глаза с кровавыми прожилками. В них ужас умирающего животного. Охваченный паникой человек трясет головой, извивается, стараясь сбросить путы. У него сорвался клапан, послышалось нечто вроде сдавленного рычания. Вода с бешеной скоростью хлынула ему в рот, будто плотину прорвало.

Я задержал дыхание, зажал ему подбородок – давай, глотни моего воздуха. Он укусил мой октопус, попытался вывернуться. Дыши, твою мать, или подохнешь! Выбора нет. Кулаком в висок. Оглушенный, он делает большой глоток воздуха. Ну вот. Успокойся…

Теперь моя очередь… Я дышу. Его очередь… Моя очередь… Его очередь…

Перерезаю веревки, они лопаются… Руки и ноги я ему не развязываю: освободившись, он попытается меня утопить.

Его очередь… Моя очередь… Вдох-выдох. Ты должен жить, слышишь? Живи! Его очередь… Глотай воздух! Глотай! Хлебни этой блядской жизни! Обхватываю его под мышками и энергично двигаю ластами. Чувствую сильное сопротивление, что-то мешает. Странно. Что его удерживает? Последний рывок – и мы отделяемся от дна.

И тут он скрывается за пузырьками. Он выпускает их сотнями, он так отчаянно вопит, что, кажется, пробивает стены безмолвия. Он отказывается от кислорода, взгляд мечется под маской. Вниз. Он смотрит вниз.

Направляю туда фонарь. Луч становится оранжевым. Смесь желтого и красного. Желтый свет моего фонаря, красный цвет его крови. Кровь течет из его левой ноги. Хлещет.

На раздумья времени уже нет! Надо рвануть! Рвануть вверх! Скорее! Как можно скорее! Забыть про ступени декомпрессии! Тридцать метров… Сейчас накопившийся в его теле азот устремится в артерии. В сердце будут разбухать пузырьки. Легкие могут взорваться. Но выбирать не приходится – или это, или жаркая ласка кровотечения… Что до меня, я рискую не меньше. Азот никого не щадит…

Работаю ногами так, что едва не рвутся сухожилия. Все мои органы взывают о помощи, легкие горят, мозг в черепной коробке расширяется. Диафрагма сокращается. Дышать невозможно… Кислорода! Вдох! Вдох! Не могу!.. Остановка дыхания. Еще десять метров… Тиссеран потерял сознание, наглотавшись воды.

Нестерпимая боль в ушах. Барабанные перепонки вот-вот лопнут…

Свет наверху. Скрещенные лучи, живые, подвижные… Невнятные голоса… Теперь крики… Поверхность воды прорвана… У меня кружится голова… Все словно отдаляется.

А потом… больше ничего…

Глаза открыты. Там, в тумане, расплывчато, окаменевшие лица, испуганные взгляды. У меня на лице кислородная маска. Сколько времени я был без сознания? Вокруг мел. Карьер…

Встаю, слегка оглушенный. Рядом со мной неподвижный Тиссеран. К его груди присосались электроды. Гидрокостюм разрезан. Электрический разряд, тело выгибается дугой… Все кончено.

День встает над лужей крови.

Солнечные лучи падают на пористый камень – он медленно впитывает красную змею, обвившую безжизненное тело…

Глава восьмая

Если бы сейчас обрушились потоки воды, если бы поднялся ураган, если бы он с корнем выворачивал деревья и срывал крыши с домов, если бы в воздухе кружило разъяренное чудище – торнадо, циклон, – возможно, я почувствовал бы свое единство с этой формой мятежа, возможно, моя ярость нашла бы выход, а не теснилась бы внутри, сотрясая мою плоть.

Санитары на фоне мелового миража засовывали труп в зловещий мешок, левая рука со сведенными судорогой пальцами еще торчала наружу. Ужас не отпускал Тиссерана до самой смерти, этой страшной смерти, сомкнувшей под толщей воды исполинскую белую челюсть.

Кровотечение вызвала струна для резки масла, обмотанная вокруг его бедра под гидрокостюмом. Невидимая, она была пропущена через крохотные дырочки в неопрене[9 - Неопрен – разновидность синтетического каучука, хлоропреновый каучук. Мягкий, пористый эластичный водонепроницаемый материал, который используют в том числе и для изготовления гидрокостюмов.] и прикреплена к решетке на дне колодца. Чудовищная выдумка – как только мы начали подниматься, проволочка перерезала бедренную артерию.

Об этом, должно быть, мученик и хотел мне сказать, исходя предсмертным криком…

Вдали два полных черной ярости лица, два лица мрачнее тучи – даже восходящее солнце не заставит их просветлеть. Это Леклерк и Дель Пьеро, разбуженные самым жестоким образом. Окружной комиссар разорался, даже еще не добравшись до меня:

– Ты выдернул меня из постели и скинул на руки труп – изволь теперь внятно объяснить, что произошло!

Ситуация и впрямь могла сбить с толку кого угодно. Когда мы расставались накануне, я был почти сдувшийся, как проколотая шина, а сегодня оказался за шестьдесят километров от кабинета Леклерка, среди каменного хаоса, и только что поднялся из глубин, куда нырял за типом, чью жизнь, несомненно, сам и оборвал.

Дель Пьеро, стоявшая слева от Мартена, одернула свой безупречный пиджак. Ее тоже вытащили из постели и тоже спешно вызвали, но она нашла время подрисовать черные глаза и скрутить в тугой узел рыжие волосы. Красота и порядок.

Я стал рассказывать с самого начала… Послание, вырезанное на церковной колонне… Поездка к Полю Лежандру… «Тимпан Блудницы»… Совмещение частей шифра, которое привело меня в Шом-ан-Бри… А потом сюда, к бездне с черными водами.

– Вы говорите, вторую половину шифра украли? То есть у нас не осталось никаких следов?

У комиссарши особый дар – ударить по больному месту со стервозным шиком.

– Не повезло… – ответил я, даже не пытаясь скрыть, что устал до предела. – Оказался в неподходящем месте… в неудачное время…

– Вот потому и необходимо выезжать с группой. Для чего, по-вашему, существуют правила?

– Но…

– Вы позволите? – задал ей риторический вопрос Леклерк, отводя меня в сторонку.

Дель Пьеро демонстративно отвернулась и щелкнула зажигалкой.

– Послушай, Шарк, – начал окружной комиссар. – Сделаем так, как обычно делают в подобных ситуациях. Поедешь с нами на Орфевр, запишем твои показания и попробуем разгрести эту кучу дерьма.

– Допрос по всем правилам, да?

– А ты что, вообразил, будто закон не для тебя писан? Ты теряешь улики, посреди ночи вламываешься без ордера в чужой дом, переворачиваешь там все вверх тормашками, после чего встречаешь нас весь в крови и с умирающим на руках! Да окажись на твоем месте любой другой – он уже был бы за решеткой! Радуйся, что мы так спокойно ко всему отнеслись! Что еще за игры, чтоб тебя!

Дель Пьеро, с сигаретой в зубах и скрещенными на груди руками, топталась у окровавленного края колодца, в нескольких метрах от нас, она явно не упустила ни словечка из нашего разговора.

Комиссарша меня не любила, и я ее не любил. Когда наши взгляды встретились впервые, в меня словно молния ударила… но страсть не вспыхнула.

– Но мне ничего не оставалось, кроме как нырнуть туда! Этот тип экономил воздух, который мог в любую минуту закончиться! Все, чего я хотел, – не дать ему утонуть!

– И не дал, с этим ты отлично справился! – вяло махнул рукой Леклерк. – Только дело-то не в том. Дель Пьеро права, тебе надо было сразу вызвать группу. Кто будет уважать закон, если мы сами перестанем соблюдать правила?

– Все произошло слишком быстро… Это послание было настоящей ловушкой, я продвигался вперед вслепую, без уверенности… Я не хотел этого. Ни в коем случае не хотел… Их дочь… Надо искать их дочь… Она у него… И одному Богу известно, что… – бормотал я, но Леклерк уже удалялся, поднимая облачка белой пыли.

Дело шло к полудню, и у меня было единственное желание: свалить, сбежать куда подальше от всех этих скорбей. Инспекторы, терзавшие меня вопросами, отняли последние силы. Вот так всегда: хочешь сделать как лучше, а оказываешься пособником убийцы, который находит множество способов нанести удар.

Сегодня я убил ни в чем не повинного человека, и его вытаращенные за стеклом маски глаза пополнят каталог самых мрачных моих воспоминаний.

Мертвецы… Всегда и везде мертвецы…

Леклерк отстранил меня от работы – вплоть до новых распоряжений, до тех пор, пока не появятся неопровержимые доказательства того, что я говорил правду. Соответственно, меня лишили допуска к делу, которое уже называлось делом Тиссеранов, и в расследовании, накалившем благодаря своему крайне причудливому характеру обстановку в доме 36 по набережной Орфевр, мне придется довольствоваться жалкой ролью зрителя.

Разочарованный зритель возвращался домой, чтобы там предаться черным мыслям, и, поднявшись на свой этаж, внезапно вспомнил про девочку, которая со вчерашнего дня не может попасть к себе в квартиру.

Я мигом скатился вниз. Никто не отозвался – ни в седьмой, ни у Вилли. Мне решительно ни в чем не везло.

Телевизор тихо потрескивал, я хотел его выключить и уже дотронулся до кнопки, когда услышал:

– Нет! Не трогай! Пусть работает!

Я вздрогнул. Девочка сидела по-турецки среди запыхавшихся поездов и пялила глаза на экран, где мельтешил серый снег. Рядом «Фантометта» ждала, пока к ней не протянется нетерпеливая рука. Колени у меня подогнулись, и я чуть не сел на пол.

– Но… – Я показал на дверь. – Как же ты вошла? Я запер на ключ!

– А я никуда и не выходила. Когда ты пошел поговорить с соседом, я спряталась под кровать! – ответила она, не отрывая взгляда от телевизионных помех, и хихикнула.

– Но что…

– Да тише ты! Помолчи!

Мне это снится! Франк Шарко, более чем зрелый мужчина за сорок, отступает перед десятилетней девчушкой! Я выключил телевизор и, перешагнув через рельсы, пристроился на коленях рядом. Малышка опустила голову, на глазах у нее выступили слезы.

– Что случилось?

Слеза покатилась по щеке.

– Ты очень надолго ушел… Ты не должен больше оставлять меня одну, я так боялась!

Что делают в подобных случаях? Мне хотелось погладить ее по головке, прижать к себе, успокоить, пусть даже и неуклюжими словами.

Но… я не мог… Мне все еще было слишком больно от любого прикосновения. Элоиза. Элоиза, девочка моя… Я чуть не разревелся следом за девчушкой, сердце сжалось от горя, но все-таки я справился с собой, сделав глубокий вдох.

Надо изобразить суровость.

– А твоя мама? Она же, наверное, волнуется!

– Мама? Мама встречается с одним дяденькой, – недовольным голосом ответила девочка. – Со странным таким дяденькой, неприятным. И часто после работы подолгу торчит у него!

– Но кто же тогда занимается тобой? Ты же не хочешь сказать, что…

– Я уже большая! Я сама могу справиться! Мама всегда так говорит!

Я потерял семью при чудовищных обстоятельствах, я бы тысячу раз отдал жизнь, чтобы хоть на мгновение поверить, что они счастливы там, наверху… А рядом с этим бессловесным страданием матери бросают своих детей, отцы бьют…

– Паршиво выглядишь, – сообщила она, помолчав. – Шел бы ты спать.

И тут я, сам себе удивляясь, расхохотался как ненормальный: наглости у этой девчонки на десятерых!

– Я должен найти какой-нибудь способ связаться с твоей мамой. Ну, не знаю, надо же сказать ей, что у тебя все в порядке, просто дверь захлопнулась и ты осталась снаружи. Надо же ее предупредить! Поверь мне, перепуганная мать – это похлеще цунами!

Она засунула палец в нос.

– Слушай, ты можешь включить телевизор?

Я покорился ее желанию – ни дать ни взять безвольный папочка, балующий ребенка.

– Нет, переключи обратно на тот канал!

– На тот, где снег?

– Да! Мы разговаривали, а ты нам помешал!

А у нее богатое воображение… Я чиркнул спичкой.

– При детях не курят! – Она погрозила мне пальцем. – У меня слабые легкие. И знаешь, я уже подсчитала. По пачке в день – это все равно как если бы ты за год выкуривал сигарету длиной в километр!

Ее глаза поблескивали, словно агаты. Такие изумительные девочки-полукровки рождаются иногда в нищих семьях с неустроенным бытом…

Я наклонился, чтобы уловить ее нежное дыхание. Оно у всех детей совершенно одинаковое, и достаточно закрыть глаза…

Элоиза…

Внезапно я опомнился:

– С кем это ты разговаривала?

Она улыбнулась, сверкнув белоснежной эмалевой гаммой с недостающими нотками.

– Ну и глупый же ты! Это она попросила меня двигать поезда! Вообще-то, ей больше нравятся паровозы, особенно «Distler-40» и «Buco magenta», но мы не знали, как их запустить, и пришлось довольствоваться электричками. Почему ей нельзя было к ним прикасаться? Игрушки – для детей, а не для больших дураков вроде тебя!

У меня от каждого слова этой девочки перехватывало горло, и, хотя я продолжал улыбаться, мне стало тревожно.

– Откуда ты это знаешь?

– Что знаю?

– Названия поездов! Вчера ты и понятия о них не имела!

– Да не ори ты так! Мне Элоиза рассказала. Ей очень нравилось, Элоизе, когда ты с ней играл…

Ноги у меня подкосились, не выдержав тяжести моего изумления. Некоторые имена дарят радость, другие – как Сюзанна или Элоиза – разрушают, сотрясают, заставляют сердце кровью обливаться.

Объяснение… Найти объяснение. Я изо всех сил напрягал память, но, сколько ни старался, этого детского личика не вспомнил. Оно ничего мне не говорило.

– Как ты могла познакомиться с моей дочерью? Я… я в последние годы не жил здесь!

Завибрировал мобильник. Леклерк… Как всегда – не вовремя.

– Секундочку! – рявкнул я в трубку, потом, обращаясь к девчонке, приказал: – На этот раз никуда не исчезай – нам с тобой надо кое-что прояснить!

В ее глазах сверкнули молнии.

– Ты опять оставишь нас одних? Ты ее рассердишь, и она уйдет!

Не слушая, я закрылся в кухне, подальше от вздохов локомотивов и журчания крохотных водопадов. Из трубки донесся лай Леклерка:

– Приезжай как можно быстрее! Для медицинского обследования! Это… Нет, погоди…

По ту сторону перебивающие друг друга голоса, телефонные звонки, стук дверей… На фоне всей этой неразберихи Мартен продиктовал мне адрес парижской паразитологической лаборатории.

– Здесь все на ушах стоят! – кричал он. – Мы вляпались как зеленые новички! Черт! Давай скорее сюда! Встречаемся ровно в три! Что? Что? – Он все время отвлекается, со сколькими людьми он говорит одновременно? – …Возможно, этот псих сделал нам большую подлянку и у нас в крови теперь эта дрянь! «…Берегись дурного воздуха»! Там же было написано, в твоем послании, там же было черным по белому написано! «Дур…»

Ничего не понять. Между нами гудит реактивный двигатель «конкорда».

– Алло! Алло!

Ну и бардак!

– Алло! Алло!.. Черт!

Отсоединяюсь и заново набираю его номер. Оставьте голосовое сообщение. Еще немного – и мой мобильник вылетел бы в окно. Я мало что разобрал, но ясно услышал в голосе Леклерка ужас смертника.

Паразитологическая лаборатория… В горле комок. Голова пылает. Иду в гостиную. Девочка… Куда она опять запропастилась?

Электрички, заходясь гудением, катят по рельсам… Я отключил ток, питающий железную дорогу, заткнул наконец проклятый телевизор и, нагнувшись, заглянул под кровать. Никого.

– Ты выиграла, хитрюшка. Давай вылезай уже, хватит прятаться! Мне пора уходить.

Обозлившись, распахиваю все дверцы, обшариваю кладовку и стенные шкафы. Эта малявка могла проскользнуть куда угодно, даже сквозь стену!

Так и не нашел. Ну и к черту!

Умываюсь, начинаю переодеваться… и тут мне бросается в глаза волдырь от комариного укуса на левом предплечье. В голове вспыхивают слова судмедэксперта: убийство совершено не на поверхности… а внутри ее тела.

Я вспомнил, что было в доме Тиссеранов. Шелест крыльев в леденящей тишине. Сотни насекомых.

И от всей души пожелал себе ошибиться…

Глава девятая

Ровно в три часа дня Леклерк собрал нас в приемной лаборатории. Дель Пьеро, Сиберски, трое из научной полиции, два инспектора и я.

Взгляды у всех затуманены тревогой, потому что за стеной люди в белом смотрят в электронные микроскопы или впиваются в мышек ядовитыми иглами. Здесь, в самом сердце столицы, изучают эпидемиологию паразитарных болезней, передающихся векторным путем. Стараются, например, понять, почему некоторые зараженные животные, носители инфекции, не поддаются смертельным для людей болезням.

В этой зоне белого кафеля, бронированных дверей и прикрытых масками лиц пахнет дезинфекцией, чрезмерной чистотой, а точнее сказать: так и шибает в нос невидимой опасностью…

Окружной комиссар прочистил горло. По его лбу крупными каплями катился пот.

– Поскольку не все вы владеете информацией на одном и том же уровне, повторю объяснения с самого начала. Анализы крови Вивианы Тиссеран, женщины, которая была найдена мертвой в исповедальне, равно как и результаты вскрытия, показали, что она стала жертвой одной из самых опасных форм малярии. Паразит в течение десятидневного инкубационного периода находился в ее печени, затем – менее чем за две недели – с ней расправился. Как сказал Ван де Вельде – бомба замедленного действия…

Мы похолодели. Все бессознательно принялись почесывать кто руку, кто ногу, кто затылок. Я увидел, как переменился в лице Сиберски.

А Леклерк продолжал:

– Малярия – ее название идет от средневекового итальянского mala aria, «дурной воздух», – передается через посредничество особого рода комаров, анофелесов. Именно этих насекомых наши лаборанты обнаружили в Шом-ан-Бри, в доме Тиссеранов. Анофелес заражает человека, когда сосет кровь.

Окружному комиссару было не привыкать к опасностям, но на этот раз он не мог скрыть отчаяния. Дель Пьеро кусала пальцы, остальные – и я в том числе – весь кулак. Комары ни одного из нас не пощадили.

Посыпались идиотские вопросы и высказывания:

– Что теперь с нами будет?

– Нам нужны лекарства, антибиотики!

– Не может быть! И что теперь – объявят карантин?

Леклерк попытался утихомирить собравшихся:

– Сейчас придет специалист, он подробно расскажет о способах борьбы с опасностью, которая нам угрожает.

– Малярия! Малярия! Да как такое возможно? – твердила перепуганная Дель Пьеро. – Во Франции не бывает малярии! Откуда взялась эта гадость? Черт!

– Во всем этом еще предстоит разобраться. Службы здравоохранения, ВОЗ и ученые разных специальностей уже подключились к работе. Они сообщат нам, насколько велик риск.

– Риск?! Насколько мне известно, от этого подыхают! А если не сдохнем, так нас до конца жизни будет трепать лихорадка! Я ведь не ошибаюсь, а, комиссар?.. Не ошибаюсь?

Окружной комиссар не ответил. Он сел на скамью лицом к нам, свесил руки между колен.

– Есть опасность распространения? – спросил я, почесывая ухо.

– Мне сказали, что эти насекомые – эндофаги, – ответил Леклерк, – они остаются внутри первого помещения, в какое проникли. Видимо, это должно уменьшить опасность распространения инфекции в Шом-ан-Бри… В любом случае пока требуется строжайшая секретность! Никто ничего не должен знать. Даже ваши семьи. Приказ министерства.

– Бред какой-то! – закричал Сиберски. – Как, по-вашему, я смогу скрыть это от жены?

– Как-нибудь выкрутишься. Малейшая утечка – и немедленно поднимется паника. Службы неотложной помощи захлебнутся, начнется психоз, и все это немедленно разнесут средства массовой информации.

Вошел какой-то тип на коротеньких ножках и в слишком длинном халате, маленькие круглые очки в роговой оправе с трудом держались на его орлином носу, и вид у мужика был очень серьезный.

– Добрый день всем, я профессор Дьямон, специалист-паразитолог.

– Вы уж простите, что не встречаем вас аплодисментами, – язвительно прошипел один из инспекторов, – и давайте сразу к делу, хватит тянуть резину! В двух словах: мы умрем?

– Мы сделаем все возможное, чтобы этого не случилось. Если лечение малярии начать вовремя, она не смертельна.

– Расскажите поподробнее, доктор! Что с нами будет? Чем нас станут лечить – антибиотиками?

– Антибиотики – не панацея, и малярию ими точно не лечат!

Профессор уселся на стол, выпрямил спину.

– Первое, что вам следует знать: зараженный анофелес не обязательно является переносчиком паразита. Имеется множество сложных факторов, и основной из них – возраст комара. У сорока процентов исследованных нами самок найден Plasmodium falciparum, худший из четырех паразитов, заражающих малярией, и в то же время наиболее распространенный. По иронии судьбы Plasmodium falciparum имеет форму кольца, и это – вкупе с крохотным размером – позволяет ему проходить даже в самые тонкие кровеносные сосуды, а следовательно – проникать в мозг. Исход вам понятен.

Все затаили дыхание. Мысленная пытка, такое чувство, будто мы оказались в зале, где совершается казнь, не зная, кому предстоит погибнуть. А профессор уточнил:

– Ваши шансы заразиться равны, скажем, двадцати из ста.

– Двадцать процентов! Черт! – заорал Сиберски. – Нас здесь девять человек! Значит, двое из нас могли заразиться! Какая-то блядская русская рулетка!

Дель Пьеро осела на стуле, закатила глаза:

– Извините… здесь… такая жара…

– Сожалею, но эти помещения не оборудованы кондиционерами, – объяснил ученый. – Сейчас мы пройдем в лабораторию, там прохладнее, и я вкратце расскажу вам о развитии болезни. Очень важно, чтобы вы всё хорошо поняли до того, как встретитесь с врачом, который назначит соответствующее лечение.

Мы, унылые, серьезные и безмолвные, выстроились друг за другом и, будто скот на бойню, потянулись по коридорам. С ума сойти, как рушится жизнь, стоит только в неудачное время оказаться в неподходящем месте. Вот в таких случаях и хочется палить. Пристрелить этого вора, крадущего жизни. Без всякой жалости…

Вот наконец отсек, посвященный Plasmodium falciparum, vivax, ovale и malariae[10 - Четыре рода малярийных паразитов.]. Белые стены, белые полы, резкий свет неоновых ламп, сотрудники в масках. На стенах большие плакаты, показывающие стадии развития комара. Яйцо, личинка, куколка, имаго… Медленное созревание человекоубийцы.

– Анофелес – единственный переносчик Plasmodium falciparum, человек – его единственный хозяин, – начал Дьямон. – Этот паразит существует постольку, поскольку существуем мы. Нет людей – нет и малярии…

Он указал на фотографию насекомого, увеличенного до человеческого роста. Выпученные глаза, омерзительные волоски, несущий разрушение хоботок, похожий на титановое сверло.

– Видите ли, зараженный экземпляр, кусая вас, впрыскивает слюну, которая растворяется в вашей крови, и тогда в вас проникает паразит: микроскопический организм, который мог бы навести на мысль о троянском коне. Не проходит и получаса, как он уютно устраивается в вашей печени и там, невидимый, в течение инкубационного периода, который продолжается обычно от шести до двадцати дней, множится, превращаясь в сотни тысяч одноклеточных паразитов. Сейчас, с клинической точки зрения, у вас могут быть скрытые симптомы…

– Вы хотите сказать, что в течение инкубационного периода никакие ваши технологии не помогут узнать, заболели мы или нет? – Сиберски нервно хихикнул. – А как же… все эти микроскопы? Все эти электронные аппараты?

– В том и состоит особенность малярии, что это убийца, достигший совершенства, дорогой мой. Иначе мы бы давно ее победили.

Лейтенант прижал руку к животу, на глаза у него навернулись слезы. Может быть, паразиты внутри нас начали размножаться. Сколько уже тысяч? Дьямон показал на плакаты с циклами эволюции.

– Plasmodium будет развиваться внутри печени на пространстве не больше миллионной доли волоса. Искать его – с соблюдением всех пропорций – все равно что искать монетку на дне Средиземного моря. Надеюсь, теперь вы понимаете, почему его невозможно обнаружить. Но продолжу. За инкубационным периодом следует период инвазии – начинается болезнь. Паразиты попадают в кровь, красные кровяные шарики лопаются. Теперь на заболевание указывает анализ крови, кроме того, оно проявляет себя лихорадочным состоянием и головными болями – примерно так, как бывает при тепловом ударе. К сожалению, в это время нередко оказывается, что вмешательство запоздало. Вот потому каждый из вас немедленно отправится к врачу, который подберет ему таблетки, предположительно убивающие паразитов, в соответствующей дозировке.

– Предположительно? – дрогнувшим голосом переспросил я.

– Паразиты мутируют и адаптируются. В некоторых местах, в частности в странах третьего мира, существуют, например, зоны резистентности к хлорохину или даже полирезистентности.

– Там невосприимчивые комары? А наши?

– Именно это мы сейчас и определяем. Если «ваши» окажутся невосприимчивы к хлорохину, будете принимать мефлохин. Но должен вас предупредить, что стопроцентного излечения не гарантирует ни один препарат.

Все зашумели, но почти сразу же стихли. Сиберски, схватившись за голову, отвернулся. Леклерк старался сохранить лицо перед своим войском:

– А в том, что касается нашей… нашей профессиональной деятельности… Как нам… Я хочу сказать…

– Вы можете продолжать работать, хотя некоторые побочные действия препарата бывают весьма неприятны – как, скажем, диарея или желудочные боли… Я даже посоветовал бы вам максимально себя занять, чтобы поменьше… к себе прислушиваться… Если не считать профилактических мер, сделать все равно ничего нельзя, и остается только ждать…

– Это подло… настоящая подлянка… – простонал кто-то.

Дьямон сделал вид, будто не слышал:

– Через десять дней у вас начнут ежедневно в течение месяца брать мазки – это чтобы проверить, не распространяется ли у вас в крови паразит. Возможно, благодаря принятым мерам вы так никогда и не узнаете, были вы заражены или нет, но зато выживете… высвободитесь из этой… поистине дьявольской западни.

Он показал нам отдельные кабинки:

– Идите туда, вами займутся врачи.

Все чуть ли не бегом сорвались с места и тут же скрылись из виду. Остались только мы с Леклерком, который удержал меня, положив руку на плечо:

– Погоди секундочку! Ты возвращаешься на работу, твои показания признаны убедительными. Уровень азота в крови Тиссерана доказывает, что его погрузили в воду ровно за два часа до того, как ты поднял его на поверхность. А примерно в это время человек, живущий рядом с церковью в Исси, был разбужен звоном стекла и криками. Он выглянул в окно и записал номер машины, водитель которой – то есть ты – размахивал пистолетом…

– Тех, кто на меня напал, задержали?

– Пока нет…

Я немного подумал:

– Странно… Я нахожу послание, на меня нападают, и Тиссерана тут же спускают на дно колодца…

– Ты хочешь сказать, что…

– В баллонах у него почти не оставалось кислорода. Все было сделано с таким расчетом, чтобы он отдал концы у меня на руках. Что, если убийце сообщили о моей находке за тимпаном, чтобы он мог вовремя опустить Тиссерана на дно? Возможно, нападение этих троих было подстроено…

– Но… зачем?

– Для того, чтобы его пророчество сбылось. Мы имеем дело с типом, который последовательно осуществляет все, что задумал… И мы сами – явное доказательство этого.

По обе стороны прохода над кабинками загорались красные лампочки, означающие «занято». Открыв передо мной дверь, Леклерк прибавил:

– Мы подключили Центральное управление по розыску пропавших без вести. Ты был прав. Он удерживает у себя дочь Тиссеранов Марию, девятнадцати лет. Он взялся за целую семью… Боюсь, скоро мы получим еще один труп. – В паузе между двумя последними фразами Леклерк подтянул рукав сорочки и почесался. – Придется быть профессионалами и пахать, несмотря на… эту штуку… В надежде на… Ну, в общем, ты понимаешь, что я хочу сказать…

– Да, понимаю…

– Я добился разрешения, чтобы кого-то из старших по званию допустили в лабораторию П-три, где исследуют все виды живых паразитов. Она здесь, у нас под ногами. У меня полный завал, Дель Пьеро координирует направления поисков… Узнай там что-нибудь. Понаблюдай, поизучай мерзких тварей. А главное – постарайся понять, каким образом этой сволочи удалось добыть целую армию комаров-убийц.

Оказавшись в кабинке в полном одиночестве, я рухнул на деревянную скамеечку. Вирусы, бактерии… Невидимые враги – и непобедимые, даже если

натравить на них всю полицию мира. Программируемые. Способные убивать, даже не прикасаясь. Новое поколение убийц. Какой-то человек откуда-то ими управлял и выбрал нас своими жертвами… А если эти мерзкие, как сказал Мартен, твари окажутся невосприимчивыми? Если он и до такого додумался?

Я вспомнил Вивиану Тиссеран: сейчас уже ясно, что она умерла от последнего приступа лихорадки. Возможно, он заразил ее, а потом смотрел, как она медленно умирает в исповедальне под взглядом Христа. Я вспомнил обломанные ногти жертвы, представил себе темную комнату, в которой преступник держал ее много дней, пока лопались ее красные кровяные шарики. А муж Вивианы? Эти два страшных часа на тридцатиметровой глубине, когда вся жизнь, должно быть, прошла перед его глазами. За что ему такое наказание?

Пророчество, о котором говорил Поль, сбывалось. Послание, слово за словом, открывало свои тайны, погружая нас в беспросветный ужас.

Все только начинается. Если он заставил родителей вытерпеть такие муки, то какая жестокая, бесчеловечная пытка была уготована дочери?

Глава десятая

Шарль Дьямон – все в том же длинном халате, из-под которого виднелись все те же коротенькие ножки, – встретил меня у входа. Выглядел профессор забавно, но человеком оказался интересным и очень образованным. Пока он вел меня к дверям лифта, укрытого за двумя шлюзами со сканерами сетчатки, я выслушал мини-лекцию о мухе цеце, зверюшке, вызывающей сонную болезнь, и подумал, что говорит он о крохотных существах, которыми занимается, с почти неприличной страстью.

У лифта на нас уставились камеры.

– Калипсо Брас, инженер по информатике лаборатории П-три, ждет вас в подвале. Что бы ни случилось, – Дьямон ткнул меня пальцем в грудь, – не снимайте с себя беджик, а главное – следуйте инструкциям. Там, куда вы попадете, работают с опасными патогенными микроорганизмами. На самых

нижних уровнях подземной части лаборатории вы увидите зараженных насекомых в условиях, близких к их естественной среде обитания. Малярия, желтая лихорадка, лихорадка денге, японский, или комариный, энцефалит – все от них! Расспросите сотрудников, составьте себе представление – и поднимайтесь ко мне в кабинет. В вашем распоряжении час…

Лифт пополз вниз… Высадка на другой планете, во враждебном мире, где человек, самое хищное из всех созданий, низводится до состояния самой безответной жертвы. Я – со своим пистолетом и полицейским удостоверением – казался себе посмешищем…

Высоченная сенегалка Калипсо Брас была полной противоположностью коротышке Дьямону. Ее гладкая, лоснящаяся кожа напоминала в падавшем с потолка бледном свете драгоценные породы африканской древесины. Шапочка, фартук, мягкие туфли на длиннющих ногах… Она олицетворяла два мира: мир сильной, властной женщины и мир диких непредсказуемых земель.

Калипсо протянула мне марсианский костюм и объяснила, что меня ждет:

– Для начала вы испытаете довольно серьезное расстройство слуха, потому что нам предстоит пройти через два шлюза с пониженным давлением. При непредвиденном сообщении с внешним миром этот перепад давления вызывает приток воздуха, которым возбудитель инфекции оттесняется вглубь лаборатории. Я советую вам зажать нос, сглотнуть и…

– …выдохнуть через ноздри. Знаю. Я довольно долго занимался подводным плаванием.

Она кивнула. Пока я переодевался, она набрала код, повернула одновременно две рукоятки, зашипел воздух…

И хотя я зажал пальцами нос, в ушах стрельнуло.

– Ну вот, – несколько мгновений спустя сказала сенегалка, – теперь можете дышать нормально. Очень было больно?

– Бывало и похуже.

– В инсектарии не отходите от меня и ни к чему не прикасайтесь, кроме как взглядом. Если вас терзают какие-нибудь вопросы, не стесняйтесь, спрашивайте. А сейчас поднимите руки и закройте глаза. Через эти дырочки вас опрыскают репеллентами. Они без запаха…

Я исполнял ее распоряжения, охваченный сладким страхом, как ребенок, который впервые отправляется в пещеру ужасов.

Мы шли по длинным коридорам со стенами из небьющегося стекла, разделенными тяжелыми металлическими дверями, со всех сторон нас обдували струйки воздуха.

По ту сторону стекол – наглухо закрытые помещения, по ним ходят туда-сюда люди в оранжевых комбинезонах. Другие наблюдают за ними, сидя за мониторами и сами находясь под прицелом укрепленных на стенах видеокамер. Смотритель смотрит за смотрителем, который смотрит за смотрителем, и за всеми ними присматривает смотритель…

– Не так хорошо видны, как пули из револьвера, но убивают куда вернее, – улыбнулась Брас, показывая на пробирки с культурами.

Я сощурился:

– Мы, как и вы, сражаемся с убийцами, но наш противник более… экспрессивен… Страшно подумать, что подобные создания находятся в руках сумасшедшего.

Походка Калипсо, в отличие от моей, была уверенной.

– На самом деле больше всего нас беспокоит не биотерроризм. Еще при Жоспене[11 - Лионель Жоспен – французский политик-социалист, в 1997–2002 годах премьер-министр.] были разработаны серьезные планы – в их числе «Биотокс», против заражения оспой, а в рамках другой программы, «Пиратокс», проводились учения в парижском метро. Вода у нас защищена хлором, который уничтожает ботулиновые токсины, созданы запасы вакцин против тяжелых инфекционных болезней, например брюшного тифа, и при малейшей тревоге эти вакцины будут распределены между всеми больницами… Нет, самые большие опасения у нас вызывает психотерроризм. Положите в конверты споры сибирской язвы, отправьте свои «послания» нескольким правильно выбранным

людям – и готово дело. Пусть заразиться сибирской язвой обычным путем практически невозможно, и она поддается лечению антибиотиками, и культивировать ее переносчиков очень трудно – психоз тем не менее остается.

– Точно такой же психоз способны вызвать и наши милые анофелесы. Неоправданный страх перед «французской малярией». Вот почему так важно сохранить все в тайне, – напомнил я, а Брас перешла на шепот:

– Если бы вы знали обо всем, что происходит и о чем вам не рассказывают… Помните Менада, одного из сыновей имама Шеллали Беншеллали? Он занимался изготовлением рицина[12 - Рицин – токсичное вещество, которое может привести к летальному исходу при попадании его в дыхательные пути или в кровь. В 2004 году французские полицейские передали своим британским коллегам оперативную информацию о том, что в Англию ввезено несколько контейнеров с рицином, изготовленным в одной из лабораторий в Лионе под руководством Менада Беншеллали.]. Чеченский след, видимая часть огромного террористического айсберга… В прессе информация появляется, когда дело успешно закончено, то есть менее чем в пяти процентах случаев. А все остальное обходят молчанием…

Я кивнул, соглашаясь:

– Расскажите мне об этой разновидности комаров. Если они не водятся в нашей стране, то как вышло, что в доме Тиссеранов обнаружено несколько сотен экземпляров?

– Иногда анофелесы проникают на нашу территорию просто потому, что санитарный контроль недосмотрел. Насекомые прибывают в багажных отсеках самолетов и рассеиваются в окрестностях аэропортов, как результат – каждый год регистрируется десятка полтора случаев «аэропортной малярии». Не далее как в мае нынешнего года женщина, живущая в пятнадцати километрах от Руасси, заболела малярией, вызванной Plasmodium malariae, хотя никогда не покидала Францию. Два года назад умер от малярии мужчина, живший на высоте шестисот метров и тоже никогда никуда не выезжавший… Известны и другие, правда очень редкие, случаи – и ни один из них так и не нашел объяснения. Выдвигаются гипотезы о существовании полирезистентных штаммов, которые переносит ветер или перевозят транспортные средства, но службы здравоохранения сходятся на том, что пока ничего определенного сказать нельзя. – В конце бесконечно длинного коридора моя спутница набрала

еще один код. – Что же касается количества комаров в доме этой семьи… Нет, столько насекомых в багажном отсеке ввезти не могли. И каким бы невероятным ни показалось это предположение, я уверена, что они… выведены в питомнике.

– В питомнике… Как те сфинксы «мертвая голова»…

Большие черные глаза Калипсо стали совершенно круглыми.

– Вы еще и бабочек нашли?

– Оба раза на теле или рядом с ним было обнаружено по семь бабочек… Можно ли украсть носителей инфекции из вашей лаборатории?

Она развела руками:

– Оглядитесь кругом! Все эти камеры! А обязательный обеззараживающий душ, а шлюзы с перепадом давления и еще куча проверок, которые надо пройти перед тем, как подняться на поверхность? Нет, это невозможно!

– На самом деле не существует ничего невозможного… Сколько во Франции таких лабораторий, как ваша? – Я старался собрать как можно больше сведений.

– Есть одна-единственная, надежно защищенная и недоступная П-четыре в Лионе и около сотни П-три. Но если говорить только о тех, где занимаются паразитами, их всего с десяток, а в Париже только одна из них, наша.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

См.: «Адский поезд для Красного Ангела». – Примеч. авт.

2

В фильме Джонатана Демми «Молчание ягнят» маньяк-убийца кладет в рот своим жертвам куколку «мертвой головы». – Здесь и далее примеч. перев.

3

Старинная игра, прародительница всех настольных игр с кубиком и фишками, передвигающимися по игровому полю в соответствии с выпавшим на кубике числом очков.

4

Гемолимфа – «кровь насекомых», бесцветная или зеленая жидкость, которая осуществляет транспортировку питательных веществ от стенок пищеварительного канала ко всем органам.

5

Пистолет австрийской фирмы, легкий и надежный.

6

Точнее – внутреннее поле фронтона, заполненное скульптурными или живописными украшениями.

7

Номер 77 присвоен департаменту Сена и Марна региона Иль-де-Франс. Шом-ан-Бри – городок с населением около 3000 человек в 45 километрах к юго-востоку от Парижа.

8

Maglite или MAG-Lite – известный американский бренд ручных и карманных фонарей с прочным алюминиевым корпусом.

9

Неопрен – разновидность синтетического каучука, хлоропреновый каучук. Мягкий, пористый эластичный водонепроницаемый материал, который используют в том числе и для изготовления гидрокостюмов.

10

Четыре рода малярийных паразитов.

11

Лионель Жоспен – французский политик-социалист, в 1997–2002 годах премьер-министр.

12

Рицин – токсичное вещество, которое может привести к летальному исходу при попадании его в дыхательные пути или в кровь. В 2004 году французские полицейские передали своим британским коллегам оперативную информацию о том, что в Англию ввезено несколько контейнеров с рицином, изготовленным в одной из лабораторий в Лионе под руководством Менада Беншеллали.

Купить: https://tellnovel.com/frank-tile/medovyy-traur

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити